Новые Герои
НАШ ЧЕЛОВЕК СРЕДИ ОРКОВ
МАКСИМ ШЕЙКО
ВАРВАР ИЗ НАШЕГО ГОРОДА

Новые герои

Максим Шейко

Варвар из нашего города

«ИП Махров»
2016

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Шейко М. А.

Варвар из нашего города / М. А. Шейко — «ИП Махров», 2016 — (Новые герои)

Серега Марков, учащийся третьего курса института МВД, с родительской дачки, где он бурно отмечал окончание сессии, попадает прямиком в мир под названием Илааль. Толком не успев осознать случившееся, Серега втягивается в потасовку, благодаря которой обзаводится первыми илаальскими знакомыми. С их помощью он постепенно осваивается в непривычной обстановке среди эльфов, орков и варваров, строит радужные планы будущей жизни, но… Внезапно начинается война, куда бывшего российского студента мобилизуют, не спрашивая разрешения…

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Шейко М. А., 2016
© ИП Махров, 2016

Содержание

Часть первая. Имперская окраина 6
Глава I 6
Глава II 10
Глава III 13
Глава IV 17
Глава V 22
Глава VI 26
Глава VII 31
Глава VIII 36
Конец ознакомительного фрагмента. 41

Максим Шейко
Варвар из нашего города

© Шейко М., 2016
© ООО «Издательство «Яуза», 2016
© ООО «Издательство «Э», 2016

* * *

Автор благодарит всех, кто помогал в создании книги своими отзывами, советами и критическими замечаниями.

Отдельная благодарность выражается Atarizu – за ее самоотверженную борьбу с грамматическими и пунктуационными ошибками, возникавшими в процессе написания ☺

Часть первая. Имперская окраина

Кому суждено быть повешенным, тот не утонет.
Старинная английская поговорка

Глава I

После целой вечности ожидания кое-что начало, наконец, проясняться. Я лежал на некой твердой и не слишком ровной поверхности и пытался привести в порядок тот сумбур, что царил в голове…

Утро выдалось ясным и солнечным, легкий ветерок шуршал в кустах малины за окном, какие-то птички чего-то там чирикали по соседству. Ничто, как говорится, не предвещало беды. Я слез со старой панцирной кровати с продавленной сеткой и пошлепал умываться, попутно размышляя на тему: чему бы посвятить первый день начавшихся каникул? Сессия успешно сдана, предки остались в городе, дача на ближайшие пару недель в моем полном распоряжении… В разумных пределах, разумеется. Ну да много ли надо начинающему третьекурснику?

Накрыло меня в тот светлый и радостный момент, когда я, завершив гигиенические процедуры, направился к своему лучшему другу – холодильнику «Днепр» 1980 года выпуска, который мирно урчал в углу моторчиком и ничем не выдавал своих агрессивных намерений. Едва я ощутил рукой холод металла, как свет померк и мир вокруг свернулся в трубочку. Потом была абсолютная чернота и ощущение падения. Именно падения, потому что назвать это полетом язык не поворачивался. Дальше в воспоминаниях был провал – чем закончилось мое крутое пике, я решительно не помнил. Радовало только то, что никаких негативных последствий падения организм пока не испытывал.

Ободренный отсутствием болевых ощущений, я решил предпринять следующий шаг – встать и разобраться: что же все-таки со мной приключилось? И для начала открыл глаза. После этого вставать перехотелось. Просто лежал и смотрел на колышущиеся надо мной ветви деревьев. Ну и думал, конечно. Про одного боксера из анекдота, который уже почти победил по очкам, как вдруг в зале внезапно свет погас. Что-то у нас с ним много общего обнаруживается. Тот тоже после падения в другом месте оказался. Но он хотя бы в знакомую раздевалку попал, а я-то куда???

А действительно – куда? Если скосить взгляд направо, то можно рассмотреть какой-то сочно-зеленый кустик с мелкими черными ягодками. Слева – что-то похожее на крапиву колышется. Прямо надо мной на внушительной высоте шелестят листвой деревья. Сквозь плотные кроны пробиваются редкие солнечные лучи, судя по ним, светило находится в зените или около того. Это что ж получается, я полдня провалялся в отключке, что ли? Кстати, насчет валялся, что-то мне в спину упирается – видать, придется-таки вставать, а то ребра ноют уже.

Причиной неудобства оказался обычный сучок. Спасибо ему, кстати, если б не он, еще неизвестно, сколько бы я тут пролежал, медитируя под шелест листвы и вспоминая старые анекдоты. И раз уж с отдыхом покончено, то неплохо бы развить успех и начать двигаться. Надо только решить: куда? Ага, вот тут мох на дереве имеется – замечательно. С севером определились. Только толку мне с того севера? Может, мне вообще на запад нужно? О, кстати, насчет запада – в той стороне подлесок вроде как пожиже выглядит и уклон небольшой имеется. Решено: идем на закат. А по дороге, чтоб не так скучно было, можно подумать, как это я докатился до жизни такой, чтоб в лесу среди бела дня просыпаться.

Если рассуждать логически, то хрень полная получается. Ничего не пил, не ел, не курил, и вдруг – оп-па! Так же не бывает, верно? Вывод? Что-то я упускаю, какой-то важный этап в своей биографии. Ориентировочно: с раннего утра и до полудня. Это если принять за аксиому, что сегодня все еще первый день моих каникул. А судя по урчанию желудка, так оно и есть. Если б я уже вторые сутки не жравши был, то ощущения были бы не в пример хреновей.

Вспомнил! Когда я полез в холодильник, то зацепил рукой феньку, которая на нем лежала! Точно, та самая безделушка, что я нашел вчера в автобусе под сиденьем. Замок на цепочке был сломан, вот она и упала с чьей-то шеи. Лежала себе и никого не трогала, а я – заметил и подобрал. С виду обычная висюлька из тех, что по всяким сувенирным лавкам продаются. Особенно на море такие фиговины популярны. Разве что материал необычный – какой-то темный и довольно тяжелый металл. Не сталь и не серебро, насколько я могу судить. И не суррогат какой-нибудь вроде силумина. Хотя материаловед из меня тот еще, конечно. Ну да не суть.

Взял я ее без всякой задней мысли, а когда до дачи добрался, то выложил эту хрень из кармана на первую попавшуюся горизонтальную поверхность – на холодильник то есть, он как раз возле входа стоит. Причем не аккуратно положил, а просто шмякнул. Во-о-от. А утром зацепил мимоходом. И хотя видел я ее при этом вроде как мельком, но вот почему-то мне сейчас кажется, что со вчерашнего дня эта штука несколько изменилась. Трансформировалась в смысле. Может, там переклинило чего, когда я ее об холодильник брякнул, и она меня в ответ тоже брякнула, когда случай представился? А что – версия не хуже других. Меня забросила в лес непонятная штуковина, найденная под сидушкой в пригородном автобусе. О-хре-неть.

Это я не про свою теорию, а про пейзаж, если что. Лес-то, по которому я все это время шагал, закончился. Не совсем, правда, но некий явный разрыв впереди виднеется. Если повезет, то это будет какая-нибудь дорога, или просека, или еще чего антропогенное, а там, глядишь, и люди появятся, а то жрать уже хочется – спасу нет.

Бинго! Дорога. Правда, стремная какая-то. Узкая, и колей почти что и нет – непохоже, что тут самосвалы ездят. А это что еще за фигня? Копыта? Хм, что-то меня совсем уж в глубинку какую-то забросило, не припомню поблизости от нашей дачки никаких лошадей, способных так наследить. Ладно, чужому коню в подковы не смотрят. Мне бы только до цивилизации добраться, а там уж… Вернусь домой, найду ту хреновину, что меня сюда забросила, и в сортире утоплю за такие шутки – нефиг на пространственно-временной континуум булку крошить. Тем более при моем непосредственном участии. Надо будет только резиновые перчатки надеть и палку подлиннее взять, чтоб руками не дай бог не коснуться – хватит с меня приключений.

Так, а это что еще за шум? Люди? Люди! Ура!!! Упс. Извините, люди добрые, пожалуй, насчет «ура» – это я погорячился.

Картина, увиденная мной за поворотом дороги, выглядела настолько неожиданной, что вся радость от долгожданной встречи с цивилизацией как-то незаметно улетучилась, сменившись чувством глубочайшего недоумения. Проще говоря, я слегка ох… м-м-м… озадачился, во. И было от чего!

Совсем близко, метрах так в двадцати, стояла неказистая лошаденка (возможно, та самая, что наследила на дороге), запряженная в простенькую четырехколесную повозку. А вокруг этой скульптурной группы кипела нешуточная драка. Двое мужиков – один низенький и толстый, другой повыше и худой как жердь – прислонившись спиной к телеге и вооружившись внушительными дрынами, отбивались от четверки нападающих с дрекольем. Хотя нет, дрекольем были вооружены только трое нападавших, четвертый стоял чуть в сторонке

и крутил какой-то ремешок. Последние двое участников веселья и вовсе находились в горизонтальном положении, хотя один из них вроде как еще шевелился.

От вида такой панорамы я завис покруче, чем после телепортации с родительской дачи в этот уже порядком осточертевший мне лес. Просто стоял посреди дороги и тупо пялился на происходящее практически перед самым моим носом представление.

Из задумчивости меня вывел тот самый мужик с ремнем, что располагался в сторонке. Поскольку этот крендель стоял лицом ко мне и в отличие от остальных был не шибко занят, то именно он и соизволил первым обратить свое высокое внимание на скромную персону одного гуляющего по лесу дачника. Издав какой-то экспрессивный возглас, дядька резко махнул рукой, и в следующую секунду нечто твердое просвистело в опасной близости от моей головы. Я, все еще пребывая в ступоре, покосился через плечо вслед улетевшему неопознанному предмету. Это он что, в меня, что ли, запулил? Зря ты так, дядя. Ей-богу зря. Я ведь уже и сам уходить собирался.

Ага, разбежался. Пока я тормозил, один из нападавших, видимо, привлеченный возгласом камнеметателя, ненадолго отвлекся от махача и, в свою очередь заметив меня, решил сменить спарринг-партнера. Перехватил свою дубину поудобнее и, издав невнятный, но явно воинственный рев, припустил в мою сторону. Тут уж я тупить не стал и, развернувшись, бодро скрылся за поворотом.

Далеко бежать не стал, засел за ближайшим кустиком. И почти сразу же был вознагражден за проявленную смекалку. Бородатый мужичок, пыхтя и размахивая дубьем, выскочил из-за поворота, проскочил мимо моего убежища и, пробежав по инерции еще пару шагов, начал недоуменно тормозить. Вот тут-то я и сиганул на него из кустов, с ходу зарядив дяденьке кулаком по шее.

Вообще-то целился я под основание черепа, но насчет точности попадания не уверен. Впрочем, мужичку хватило. Он вообще при ближайшем рассмотрении оказался довольно тщедушным. Так что от моего тумака этот террорист-самоучка без всяких возражений полетел мордой в землю. При этом дубину свою он выронил, а сам разлегся прямо посреди дороги в позе расплющенного краба.

Я с трудом поборол в себе желание поставить ногу на спину своей «добыче» и принять позу «горделивого охотника». Гордость, конечно, распирает, но покрасоваться можно и позже, а то, не ровен час, еще восхищенные зрители понабегут, типа того камнеметчика, и закидают чем-нибудь увесистым.

В общем, подобрал трофейную дубину (ух ты, она даже металлом каким-то окована – почти палица!) и пошел разбираться с остальными. По дороге перетянул поперек хребта первого пациента, который не вовремя решил пошевелиться. Может, и послышалось, но вроде у него че-то там хрустнуло. Надеюсь, ребра. А потому что нехрен за мной с битой бегать, вот.

Пока мы с неизвестным гопником развлекались таким нехитрым способом, остальные тоже не скучали. По крайней мере, когда я осторожно выглянул из-за кустов, на ногах находилось уже только четверо участников потасовки. Один из храбрых защитников телеги (тот, что худой) получил свое и теперь, скрючившись, пытался забиться поглубже под эту самую телегу, а трое нападавших, включая давешнего метателя, примеривались, как бы половчее уработать оставшегося в одиночестве толстячка. Тут-то и появился я – весь в белом и с дубиной.

На этот раз меня не заметили. Мужик с ремешком решил сменить позицию и теперь оказался ко мне спиной, о чем тут же и пожалел, когда я с размаху отоварил его по кумполу. Камень, который этот пращник раскручивал, выпал из петли и шмякнулся на землю, а я перешагнул через незадачливого метателя с разбитой башкой и попер на оставшихся гопников. Теперь все по-честному, ребята, – два на два, как в лучших подворотнях Лондона и Парижа.

Правда, налетчики почему-то не захотели развивать конфликт в новых обстоятельствах. Может, потому, что были на голову меня ниже и явно уже в плечах, но наверняка утверждать не возьмусь. Как бы то ни было, но мужичонки, побросав свои рогули, чем-то напоминавшие вилы, дружно ломанулись в ближайшие кусты, а я остался наедине с тяжело дышащим толстячком и растущим чувством недоумения. Вопрос «что за хрень тут происходит?» так и рвался наружу, и я уже совсем было собрался его высказать, но меня маленько опередили.

Удар по макушке вышел немного смазанным, поскольку я в последний момент все же почувствовал какое-то подозрительное шевеление за спиной и даже начал поворачиваться, но приложило все равно знатно – я аж присел. К счастью, били меня не специальной полупалицей, а обыкновенной дубиной, которая к тому же, видимо, уже была надломлена. Встреча с моей черепушкой доконала бедную палку, и она с треском сломалась, оставив сутулого (а теперь еще и хромого) защитника телеги с жалким обломком в руках. Вид у мужика при этом был совсем обалделый.

Когда я разогнулся, одновременно разворачиваясь лицом к своему обидчику, то этот горе-воин, похоже, чуть не обделался со страху. Еще бы, я-то свою дубину не профукал, да и крепость моей башки, видимо, произвела на него просто неизгладимое впечатление. Пинок в раненую ногу, заставивший сутулого потерять равновесие, надо думать, впечатлил его еще больше, а левый хук в челюсть закрепил достигнутый успех. Ну не везет мужику сегодня – что поделать? Сперва в потасовку втянули, затем чем-то острым пырнули в бедро – вон вся штанина кровью пропиталась, а теперь еще и со мной такая незадача вышла. Ладно, пора заканчивать этот цирк, а то как бы и толстячок в драку не полез – я же на этот раз уже его кореша обидел, пусть и в рамках самообороны.

Но толстый водитель кобылы в драку лезть не пожелал. Как только я повернулся к нему, сей субъект выронил свою оглоблю, сложил трясущиеся ручки в каком-то молитвенном жесте, бухнулся на колени и, роняя скупые мужские слезы, принялся что-то лопотать. А я стоял, как баран, и тихо офигевал. И вовсе не от дикости всего происходящего. Я просто ни хрена не понимал в обрушившемся на меня потоке тарабарщины – ни единого слова из того словесного поноса, что извергал сейчас стоящий передо мной плачущий коленопреклоненный толстяк.

Глава II

«Все, тля, приплыли». С этой нехитрой мыслью я аккуратно положил на землю свою верную дубину и сам уселся рядышком, прямо там, где стоял, подобрав ноги и обхватив голову руками.

Все те несуразности, что произошли со мной, начиная с пробуждения в лесу, наконец-то сложились в законченную (и весьма неприятную) картину. Лес еще мог относиться к средней полосе России, тем более что я не ботаник и из всего многообразия деревьев, произрастающих на наших просторах, уверенно различаю только березу, каштан, клен и дуб. Ну, может, еще акацию с липой, если повезет. Пальм в лесу не водилось, кактусы из-под кустов не торчали, лианы с веток не свисали, так что я вполне мог считать себя дома. Дорога, рассчитанная максимум на гужевой транспорт, с некоторой натяжкой тоже поддавалась объяснению. Но вот массовая драка с дубинами, кольями и пращами на сельскую экзотику уже не тянула. Как и одежка, явно незнакомого фасона, в которой щеголяли все участники этой драки без исключения. Ну и окончательно добил меня монолог толстячка.

Полиглот из меня, конечно, так себе, но опознать на слух немецкий, французский и испанский, не говоря уж про английский, всяко сумею. Так вот: бормотание толстяка, несмотря на явно европеоидную внешность говорившего, не имело с помянутыми языками ничего общего. На арабский или китайский его речь походила еще меньше. Ну и что у нас остается? Суахили? Хинди? Индейские диалекты? И на всем этом говорит белый бородач с носом-картошкой? Не верю я в такие совпадения. Особенно после необъяснимого перемещения из дачного домика с холодильником в лес с архаичными бандитами. А значит…

Тут мои самокопания цинично прервали. Толстяк прекратил свои причитания и, подобравшись поближе, осторожно теребил меня за руку, при этом участливо заглядывая в глаза. Жалко ему меня, что ли? Или просто интересно: какого хрена молодой здоровый бугай сидит на земле, держась за голову и уставившись в одну точку? Зря ты на меня пялишься, убогий, все равно не поймешь. Хотя стоп! Убогий тут как раз я – это ж я местного наречия не знаю. Да и вообще ничего не знаю, если уж на то пошло. А раз не знаю, то и нечего глаза пучить с умным видом, пусть вон толстый думает, что делать.

Развел я руками с самым что ни на есть беспомощным видом, для большей убедительности головой покрутил – мол, ни черта не понимаю. Кто я, где я и что вообще происходит? Потом на валяющиеся вокруг тела покосился и особенно пристально на сутулого, что меня по макушке огрел. Толстый заинтересовался: переспрашивает что-то настойчиво, руками машет. Ну и что ему ответить такого необидного? Пожал плечами и опять за голову взялся с самым страдальческим видом, на какой только был способен, – авось поверит, что у меня амнезия тотальная.

Поверил или нет, но с расспросами отстал. Встал и стал за руку дергать: пойдем, мол. Ладно, пройдемся. Интересно же, что он надумал. Оказалось, ничего особенного. Просто решил дядька отложить слишком сложный вопрос на потом, а пока заняться решением сиюминутных проблем. Ну и меня припахал заодно. Так мы с ним на пару и работали следующие минут двадцать.

Сперва подобрали и уложили на телегу его компаньонов. Сутулому пришлось к тому же ногу тряпками перевязать, чтоб совсем кровью не истек. Со вторым, которому еще до моего появления башку проломили, возни было меньше – взяли за руки, за ноги да и закинули в повозку. Работа грязная, но не сложная – за время своей недолгой учебы в институте МВД и пострашнее жмуров видать доводилось.

После погрузки толстый не побрезговал покрошенных в основном моими усилиями бандюков обыскать. Чего-то вроде бы даже нашел. Я решил, раз такое дело, из толпы не

выделяться и тоже мародерством развлечься. Сходил за поворот, чтоб обшарить бандюгана, который на меня первым кинулся. Ну а что? Раз тут нравы цивилизацией не испорченные…

Тут меня, правда, поджидал небольшой сюрприз – никакого бандюгана на дороге не оказалось. Видать, оклемался и в кусты уполз. Ладно, его счастье. Играть в следопыта не стал и просто вернулся к повозке, возле которой уже пританцовывал от нетерпения мой пухлый подельник. Толстяк, видимо, нашел что-то стоящее, потому что настроение у него заметно улучшилось. Помахал мне рукой, едва я нарисовался на дороге, и призывно похлопал по борту своей телеги. Ну что ж, раз хороший человек просит, придется уважить – дальше двинемся с комфортом.

В повозке помимо пары тел имелись еще какие-то свертки, прикрытые рогожей, вот на них-то я и расположился. А пока я возился, устраиваясь поудобней, толстяк, причмокнув губами, шлепнул вожжами свою флегматичную лошадку. Кобылка не заставила себя уговаривать и спокойно тронулась с места. Телега слегка поскрипывала и довольно ощутимо подпрыгивала на всевозможных рытвинах и ухабах – про рессоры тут явно ничего не слыхали. Если б не тюки под задницей, то совсем грустно было бы, а так хоть какая-то амортизация.

Правда, у относительно комфортной и ненапряжной езды на тачке с «мотором» в одну лошадиную силу нашлась небольшая побочная проблемка – водилу потянуло на разговоры. Видать, выделенный по ходу драки адреналин и врожденное любопытство срочно требовали выхода, а отсутствие физических нагрузок как раз способствовало общению. Так что стоило мне утвердиться на своем роскошном сиденье с обивкой из мешковины, как сосед по-приятельски ткнул меня локтем в бок и попытался завязать светскую беседу.

В отличие от нашего первого контакта на сей раз пухлик действовал последовательно и методично. Похлопав себя ладонью по груди, он звучно и отчетливо выдал:

– Тимо!

После чего добавил еще пару коротких фраз с явно выраженной вопросительной интонацией и на меня, паразит, уставился. Интересно. Тимо, значит. Очень приятно. Ну и что с тобой делать? Дальше в глухонемого играть или промычать чего в ответ?

Посмотрел я задумчиво перед собой, на стелющуюся под копыта лошадки дорогу, заросшую какой-то жесткой травой чуть не по колено высотой, затем перевел сосредоточенный взгляд в небеса. Полюбовавшись еще с четверть минуты кучевыми облаками на фоне необычно синего неба, я, наконец, взглянул в глаза терпеливо ожидавшему моего ответа Тимо и… отрицательно покачал головой. Прости, друг, нечем мне тебя порадовать. Для пущей убедительности состроил страдальческую гримасу и демонстративно пригладил волосы на макушке, заодно нащупав там приличную шишку, покрытую коркой запекшейся крови – все-таки рассадил мне башку чертов доброхот со сломанной дубинкой.

Тимо такой поворот несколько смутил. Он даже вожжи в сторону отложил ненадолго и принялся сосредоточенно теребить бороду, при этом непрерывно бормоча что-то себе под нос. Консилиум сам с собой устроил диагност-самоучка. Я уж совсем было собрался оставить его наедине со своими мыслями и немного подремать, но тут врачебный совет внезапно закончился. Тимо, видимо, придя к какому-то выводу, вновь толкнул меня в бок и, сдерживая энтузиазм, снова принялся что-то объяснять, дополняя слова довольно энергичной жестикуляцией. Вкратце этот его монолог сводился к следующему: мы с ним теперь друзья – не разлей вода, он за меня – в огонь и в воду и вообще по гроб жизни обязан, потому мы сейчас поедем к нему, и там меня починят – волноваться абсолютно не о чем. Вот такие вот дела, если я, конечно, ничего не напутал.

Ну что ж, такая перспектива меня устраивает. Раз уж я попал непонятно куда и вокруг творится черт-те что, то какой-никакой опекун явно не помешает. Так что «контузия» – в кассу. Глядишь, хоть часть неудобных вопросов на первое время снимет, а там осмотрюсь

маленько и… Хм, выходит, удар по башке на пользу пошел, прям хоть благодарность сутулому объявляй.

Помянутый подельник Тимо, словно почувствовав, что о нем вспомнили, беспокойно завозился позади. Я, скосив глаза за спину, на всякий случай перехватил дубину поудобнее – мало ли что этому субчику в голову придет? За алиби с амнезией ему, конечно, спасибо, но повторять этот номер на бис не стоит.

Все эти телодвижения не укрылись от внимания водителя кобылы. Почуяв, что дело попахивает мордобоем, наш с сутулым общий знакомый развил бурную деятельность. Схватив, правда, довольно почтительно, меня за руку и пробормотав что-то успокаивающее, Тимо бросил вожжи и, обернувшись, принялся за подельника. Что уж он там ему говорил, я не знаю, но тот вроде успокоился, задал пару вопросов, постонал немного, поворочался и затих. Ну и слава богу. Если бы пришлось его еще раз успокаивать, то дяденька мог бы на больничном надолго задержаться – народец тут, как я успел заметить, физической крепостью не отличается. А оно мне надо? Я же человек, в общем-то, не злой. Да и с Тимо ссориться не хотелось бы – еще обидится, если я его кореша вторично нокаутирую, а мне что тогда делать? Правильно, мне тогда одна дорога – в лес, к недобитым мною же гопникам, так как условно честные люди такого поведения точно не поймут. Не лучший вариант, прямо скажем, и хорошо, что обошлось. Вон Тимо уже вовсю улыбается и лошадку свою лохматую погоняет.

Обстановка, между тем, незаметно менялась. Просека, по которой петляла наша дорога, постепенно становилась шире, деревья отступали, лес становился реже и как-то ухоженней, что ли. Кустов почти не было, подлесок практически исчез, а на одной придорожной поляне я заметил довольно приличный стожок сена. Раненый больше не беспокоил, повеселевший Тимо вел оживленную беседу, то и дело привлекая мое внимание к очередному признаку близящейся цивилизации или другим, примечательным с его точки зрения, особенностям ландшафта. Я в этот монолог не вмешивался, лишь изредка кивая в подходящих, как мне казалось, местах.

Копившееся с полудня удивление, лихорадочное возбуждение от драки и нахлынувшее затем опустошение от осознания необратимости произошедшего сменились вялой апатией. Психика, пусть даже достаточно прочная и гибкая, после такой серьезной встряски настоятельно нуждалась в передышке. Так что я был, что называется, как в воду опущенный. Чувства притупились, и все происходящее воспринималось как-то отстраненно. Мозг, хоть и со скрипом, принимал окружающую действительность, но осмысливать полученную информацию категорически отказывался. Что ж, подождем. Утро вечера мудренее, как говорится. А дело-то у нас как раз к вечеру – солнце вон уже за деревьями скрылось, да и небо на востоке темнеть начинает. Кстати, если так и дальше пойдет, то придется в лесу ночевать. В потемках тут особо не разъездишься – с фарами у телеги напряженка, да и лошадка, наверное, устала.

Впрочем, довольно скоро оказалось, что переживал я зря. Стоило мне всерьез задуматься о перспективах ночевки на природе, как с вершины очередного покатого холмика нам открылся вид на небольшую деревеньку – два-три десятка деревянных, крытых не то соломой, не то камышом домиков, хаотично разбросанных вдоль дороги. Тимо издал какой-то экспрессивный возглас и подстегнул заскучавшую лошадку. Кажется, я достиг своей первой остановки в этом новом мире.

Глава III

Насчет остановки я не ошибся, а вот с ее продолжительностью малость не угадал. С памятной драки на дороге прошло уже больше трех месяцев, а я по-прежнему торчал в деревушке с благозвучным названием Старая Ива. И по всему выходило, что застрял я тут надолго.

Тимо оказался владельцем здешнего кабака – единственного заведения общепита, а заодно и главного культурного центра в этой богом забытой местности. Хотя по местным меркам, может, не такая уж тут и дыра. Это мне после жизни в столице региона с миллионным населением здесь немного скучновато. А с точки зрения того же Тимо – жизнь кипит. Каждый день кто-нибудь из проезжих останавливается – пожрать, пива выпить, лошадей накормить. Да и переночевать частенько остаются. Ну и местные вечерком заходят, ясное дело. Для них таверна что-то вроде клуба.

Телевидения с Интернетом тут нет, и еще не скоро появятся, пресса и радио также отсутствуют как класс, так что единственная отрада аборигенов – непосредственное общение. А где простому крестьянину с коллегой словом перемолвиться? Правильно – в пивной. Тут и условия, и атмосфера… новые лица, опять же, частенько встречаются – можно свежие новости узнать, других посмотреть, себя показать…

Вот и тянутся пейзане под вечер к Тимо на огонек – посудачить «за жизнь» да выпить кружку-другую пива, «лучшего на три дня пути», между прочим. Ну а где есть пиво и мужики, там и драки случаются. Нечасто, но бывают. Вернее, раньше бывали, пока в таверне не поселился некий Нард. Именно так меня теперь зовут с легкой руки все того же Тимо.

Собственно, это даже не имя, а просто уважительное обращение к молодому человеку мужского пола. Ну, что-то вроде «мистер» или там «месье». Приютивший меня Тимо, так и не выяснив имени своего спасителя, избрал такую вот обезличенную форму обращения, а вслед за ним потянулись и остальные селяне. Вот так вот буднично и незаметно Серега Марков, в узких кругах известный также как Марк, превратился в обезличенного Нарда. Хорошо хоть так. Все-таки «мистер» всяко получше будет, чем «эй ты, козел» или еще чего наподобие. Так что спасибо кабатчику-благодетелю, что не отдал на поругание народному творчеству.

Если серьезно, то дело, конечно, не только в Тимо и тех байках, что он любит иногда рассказывать про нашу с ним эпическую битву с разбойниками. Уж не знаю почему, но я при своем достаточно умеренном росте в 183 сантиметра чуть ли не на голову выше практически всех аборигенов, которых довелось повстречать до сих пор. Мелкие они тут какие-то. Да и пропорции тела у местных несколько нестандартные – руки и ноги коротковаты, если с моей колокольни смотреть. В общем, этакие недомерки не слишком пугающей наружности, и я для них – дылда здоровая. Вот потому и уважают. Может, за глаза полудурком и называют, но в лицо пока еще никто не рискнул.

Работу мне, кстати, тоже нарезали в соответствии с антропометрическими данными. Вышибала в пивной – это вам не хрен собачий! Правда, на фейсконтроле я только по вечерам работаю, когда народ собирается, а днем все больше разнорабочим – подай, принеси, дров наруби, воды набери, ну, и так далее. Немножко не то, о чем я в детстве мечтал, но выбирать особо не приходится. Остальные тоже как белки в колесе крутятся. Тот же Тимо и за бармена, и за кельнера вкалывает. И это еще не считая того, что он тут главный пивовар! Жена у него за шеф-повара, дочки – официантками, ну, и уборщицами до кучи. А уж крестьяне и вовсе вкалывают по-черному. Так что я, по местным меркам, еще и бездельник – считай, только мелкие хозяйственные работы выполняю. Ну что ж, могу себе позволить на правах спасителя почтенного отца семейства.

А вот и оно, легко на помине. Семейство, в смысле. Вернее, одна из его представительниц – Илька, старшая дочка Тимо. Выскочила из трактира и рукой машет, помочь, типа, нужно. Знаю я эту помощь: опять приставать будет, оторва малолетняя. Вообще-то ей уже 16 – по местным понятиям, девка в самом соку. И с внешними данными у нее все в порядке, по местным меркам опять же. Крестьяне, как я заметил, предпочитают пухленьких – свидетельство здоровья и достатка, типа. А Илька телеса себе отъела – будь здоров! Но мне-то до здешних заморочек какое дело? Я люблю стройных.

Но дело даже не в этом. Румяная полутораметровая матрешка – это, конечно, не предел моих мечтаний, но на безрыбье… Грудь минимум третьего размера, опять же… Проблема в другом. Нравы тут уж больно патриархальные. Переспал – женись, если вкратце. Подозреваю, что система несколько сложнее и из правила имеется немало исключений, но сам пока не разобрался, а бесплатной юридической консультации тут, как назло, еще не придумали. Незнание же законов, как известно любому студенту института МВД, одолевшему хотя бы первый курс, не освобождает от ответственности в случае их нарушения. Вот и приходится воздерживаться во избежание.

– Нард, иди помоги!

Твою ж мать! Отстанешь ты от меня или нет? Я же тупой совсем – с полтыщи слов только выучил, элементарных вещей не понимаю, активами и недвижимостью не владею. Ну что ты во мне нашла, нимфоманка недоделанная?

– Нард!

Да иду я, иду. Куда от тебя деваться?

– А, вот ты где, я и не заметила, – и глазки свои потупила. Угу, так я и поверил. – Помоги бадью передвинуть, я сама не смогу.

Э, не, знаю я эти фокусы. Помоги, как же. А сама стоит так, что мне, чтоб за тот ушат взяться, ее капитально так обнять придется. Вон уже и задницу оттопырила – приготовилась, блин. Нет уж, я в такие игры не играю. Подвинься, без тебя справлюсь. И плевать, что бадья под центнер весит – лучше грыжа, чем ранний брак!

В общем, поднял и перенес эту деревянную мини-ванну с отбросами в свинарник. И только когда разогнулся и собрался утереть честный трудовой пот, понял, что отмочил очередную глупость. Причем феерическую, если судить по открытому рту и полным восхищения глазам Ильки. Судя по ее взгляду, перебегающему с меня на бадью и обратно, все дело в этом чертовом тазике. Вернее, в его весе. Ну да, чтоб его перенести, таких мужиков, как Тимо, двое нужно. Вот епрст! Похоже, я конкретно облажался – уклоняясь от обжиманий, нечаянно совершил подвиг. Пусть трудовой, но все же. Для не шибко романтичной девицы это как бы даже круче боевого будет. Еще бы – такая тягловая сила в хозяйстве!

Ну все, блин, теперь эту заразу хрен выведешь! Она и раньше-то на мой торс с каким-то нездоровым интересом смотрела, а теперь точно изнасилует, если спиной невзначай повернусь. Вон какой прищур оценивающий, того и гляди сиськами к стене прижмет, и все – прощай, свобода. Будем мы жить долго и несчастливо. Особенно я.

Не, ребята, так дело не пойдет, надо искать запасной аэродром. Причем быстро. Вот прям завтра и начну. А сейчас нужно валить отсюда. Медленно, бочком, не делая резких движений…

Раз уж так события завертелись, то прогуляюсь-ка я за речку. Давно собирался, да все повода найти не мог, а теперь – чего уж. Там вроде как хутор, или не знаю, как правильно назвать? В общем, домишко с парой хозпостроек. И живет там один интересный дядька. По слухам – отставной вояка. Служил в армии местного герцога чем-то вроде сержанта, затем получил отставку по причине многочисленных ранений и общей выслуги, с тех пор осел в Старой Иве и живет себе тихо-мирно вот уже лет семь как. Живет, что характерно, один, с коренными селянами особо не дружит, даже в кабак к Тимо не заходит. Да и хату себе отгро-

хал на отшибе. Вот, собственно, и все, что я смог выловить из досужих разговоров деревенских старожилов, которые вынужденно слушал каждый вечер, приглядывая за порядком в таверне.

Я этим фруктом заинтересовался, еще когда впервые о нем и его интересном прошлом услышал. Было это с месяц назад где-то, когда я уже более-менее научился местную тарабарщину понимать хотя бы в общих чертах. Несложная, кстати, речь оказалась – никаких особых заморочек с падежами и прочими временами, главная проблема – словарный запас. В последнее время его все труднее пополнять, здешние пейзане разнообразием речевых оборотов как-то не балуют.

Так вот, услыхав про «старого вояку Герта» и разузнав кой-какие вехи его бурной биографии, я прикинул, что неплохо было бы присмотреться к этому персонажу повнимательней. Ведь рано или поздно мне придется как-то устраиваться в этом новом мире с благозвучным названием Илааль. Брелков из непонятного металла, похожих на тот, что забросил меня сюда (если это все-таки был он), мне тут как-то не попадалось, так что волей-неволей приходится опираться на местные ресурсы. А из местных ресурсов имеются: придорожный кабак (одна штука) и крестьянские хозяйства (много штук).

Пахать землю до конца дней своих мне как-то не улыбается – насмотрелся уже на быт местных «фермеров», скажем прямо – не впечатляет. С трактиром дела обстоят получше. Как говорится, «работа с людьми, есть перспектива карьерного роста». Да и вписаться в этот бизнес я мог бы легко и непринужденно – сыновей-то у Тимо нет, а старшая дочка как раз ничего против не имеет, насколько я понял…

Проблема в том, что меня такая перспектива ни разу не прельщает. Перекантоваться на постоялом дворе в переходный период – куда ни шло. Тут я и внимания особого не привлекаю (мало ли кого хозяин на низкоквалифицированную работу взял?), и к обстановке присмотреться могу, опять же, не вызывая никаких подозрений и ненужных вопросов. Но это на первое время, а потом? Вот выучу еще с полтыщи слов, разузнаю получше про местные законы и обычаи, а дальше-то что? Всю жизнь разливать пиво и выслушивать в миллионный раз одни и те же байки, что травят по вечерам односельчане? Не, ребята, так дело не пойдет. Тем более что звание почетного кабатчика Старой Ивы – отнюдь не вершина местной социальной лестницы, в чем я имел возможность лично убедиться не далее как две недели назад.

К нам в таверну на огонек тогда дворянчик какой-то завернул. Черт его знает, куда он чесал и откуда, но по тому, как Тимо и все прочие его домочадцы забегали, сразу стало заметно, что посетитель очень непростой. Толстяк разве что сапоги гостю дорогому чистить не кинулся, а уж кланялся так, что чуть прострел в пояснице себе не заработал – сутки потом кряхтел.

Дело было днем, народу, считай, что и нету, потому я сидел во дворе под дикой грушей, к которой иногда привязывали своих коней и мулов проезжие посетители нашего пивного заведения, и наслаждался заслуженным отдыхом. Таким образом, я получил редкую возможность с самого начала понаблюдать вблизи всю суету, поднявшуюся после появления довольно-таки пропыленного, но все равно весьма самодовольного индивида и двух его сопровождающих. Ну а затем порасспросил своего работодателя. Оказалось – обычный дворянин низшего, насколько я понимаю, класса. Безземельный – младший сын местного аналога эсквайра или шевалье. И двое вояк при нем. Ехала эта троица, судя по всему, как раз-таки в столицу герцогства наниматься к его светлости.

И вот эта вот голь перекатная – самая фешенебельная публика, почтившая своим визитом наш кабак за все время моего тут пребывания. Круто, да? Даже если бы я вообще ни черта из родной истории не помнил и никаких аналогий не проводил, то одного этого эпизода за глаза хватило бы, чтоб понять, что военное сословие тут рулит. Даже безродные сопровождающие этого нобиля весили в глазах Тимо и прочих обитателей Старой Ивы куда больше,

чем мелкие купцы и преуспевающие приказчики – самые денежные посетители нашего шалмана. А все потому, что в отличие от тех же купчиков носили на поясе мечи…

Так что если я хочу чего-то добиться в этой жизни, то начинать следует уж точно не с технологии разбавления пива кипяченой водой. Раз уж по окончании школы решил связать судьбу с силовым ведомством, то смена мира – не повод ставить крест на профессии. Только профильное образование закончить не мешало бы. Вот для этого-то мне и нужен старый сержант…

Закончить мысль помешал подозрительный шорох за спиной. Я прекратил созерцание хутора, которым занимался последние четверть часа в тщетной попытке обнаружить его хозяина, и, медленно развернувшись, уперся взглядом в крепкую, слегка скособоченную фигуру в толстой кожаной безрукавке и с внушительным копьем в руках. Э-э-э-м-м-м-да… Что тут скажешь?

– Здравствуйте. Мастер Герхарт?

Глава IV

Вместо ответа этот крендель запустил в меня копьем. Спокойно и даже как-то буднично, но сильно. Еле успел пригнуться. Копье с глухим стуком воткнулось в ствол рябины, которую я перед этим подпирал. Причем неслабо так воткнулось – наконечник вошел где-то на ладонь, а древко аж завибрировало от удара. Если б я протормозил, как в своем первом бою на лесной дороге, то быть бы мне аккуратно пришпиленным к деревцу. Но обошлось.

Я уж совсем было собрался отложить разговор с герцогским сержантом до лучших времен и смыться от греха подальше, так как, несмотря на краткость нашего знакомства, успел приметить на поясе отставного вояки ножны с чем-то подозрительно похожим на меч, но тут мастер Герт удивил меня во второй раз. Он заговорил:

– И тебе не хворать.

Выдав этот несколько запоздалый ответ на мое приветствие, старый служака как ни в чем не бывало махнул рукой, приглашая следовать за собой, и неспешно похромал к дому, заметно припадая на правую ногу. Сделав пару шагов, обернулся и бросил через плечо:

– Копье прихвати.

Я от такой детской непосредственности, что называется, в осадок выпал. Но копье выдернул – чисто на автомате. Заодно с хрустом выломал из деревца нехилую щепу, чем заслужил одобрительное хмыканье Герта. Уж больно эффектно получилось. Вот так и познакомились.

С тех пор я наведывался к отставному сержанту практически ежедневно. Обычно с утра пораньше я помогал Тимо по хозяйству, затем завтракал и сразу после этого отправлялся в гости к Герту. Короткая прогулка на свежем воздухе помогала взбодриться и настроиться на нужный лад, а там уже начиналось самое интересное.

Инструктор из герцогского дембеля вышел просто отличный. Герт умел наглядно и доходчиво разъяснить и показать любой прием или упражнение, тут же подкрепив теорию подходящими примерами из своей богатой биографии, а потом еще и рассказать какую-нибудь занимательную историю на тему армейской жизни – для общего понимания ситуации. Так что учиться у него было не только полезно, но и интересно. За осень и зиму я вполне успешно освоил азы работы с копьем (основное оружие Герта в бытность его герцогским сержантом) и коротким пехотным мечом, смутно напоминавшим мне классический германский «кошкодер», а заодно узнал много нового про особенности местной политики, истории, государственного устройства и военного дела.

Со слов Герта выходило, что дела в империи Рейнар, на территории которой мы в данный момент пребываем, идут неважно. Ну, или наоборот – очень даже многообещающе. Смотря как поглядеть. В общем, в государстве неспокойно, и вызвано это фундаментальными противоречиями в экономической, политической и социальной сфере. Это если по-научному. А по-простому: старая аристократия и крепнущая буржуазия никак не могут поделить власть. Империя де-факто разделилась на две части – императорский домен и ряд полунезависимых герцогств, управляемых родственниками императора из боковых ветвей правящей династии.

Эти самые герцогства, включая и наше, фактически являются государствами в государстве, с собственными законами, вооруженными силами и прочими прибамбасами. И их владетельные сеньоры со своими многочисленными прихлебателями желали бы сохранить такое положение и впредь. Логично? Вполне! Но такой подход устраивает далеко не всех. В первую очередь самого императора, которому совсем неинтересно терпеть у себя в стране буйную аристократическую вольницу. Во вторую – многочисленных купцов и прочих буржуа, вынужденных платить двойные налоги – в императорскую и герцогскую казну – в тех

случаях, когда ведут торговые или иные дела на территории автономий. Есть и другие заинтересованные лица, но даже этих вполне достаточно, чтобы ситуация стала взрывоопасной. Вот такие вот пироги с котятами, как говорил один мой школьный товарищ, пострадавший от нелицензированных беляшей на излете лихих 90-х.

– Не зевай!

С этими словами Герт нарушил мою задумчивость, засветив древком копья прямо в брюхо. Хорошо так врезал, от души. Если б не пресс и не самодельный кожаный нагрудник, кишки б точно через уши выплеснулись, а так только глаза на лоб полезли. Не смертельно, но приятного мало. Сижу, согнувшись пополам, и судорожно пытаюсь вдохнуть, заодно в который раз обещаю себе впредь на тренировках не отвлекаться. Сам виновник происшествия стоит, тяжело опираясь на учебное копье и с трудом переводя дух – наши занятия в последнее время даются отставному сержанту нелегко. Хоть Герт, гоняя меня по плацу, и скинул за зиму несколько килограммов, но годы все же берут свое, да и старые раны дают себя знать. Так что когда я, отдышавшись, встаю с земли и вновь принимаю базовую стойку, инструктор поднимает руку в останавливающем жесте:

– Хватит на сегодня. – Затем сокрушенно покачивает головой и добавляет: – Ну, ты и лось – другой бы уже давно пополам переломился. Если бы ворон не считал – цены б тебе не было.

Я только руками развожу – виноват, что тут скажешь. И ведь не в первый раз уже!

– О чем хоть замечтался-то? Опять о своей вдовушке?

Задавая вопрос, Герт сально ухмыляется. Ну да, история, конечно, вышла пикантная.

Дело было в конце лета, вскоре после того, как я приступил к регулярным тренировкам с собственноручно выстроганным под присмотром экс-сержанта учебным мечом. К тому времени Илька уже вконец допекла меня своими прозрачными, как сопля младенца, намеками, а ее декольте начало сниться мне по ночам. Ситуация грозила выйти из-под контроля, но тут мне (в который раз!) пришел на помощь работодатель. Правда, этот весьма своевременный поступок (или проступок, если судить по последующей реакции Ильки) Тимо был несознательным, что несколько умаляет его благородство, но никак не влияет на результат.

В общем, один из посетителей нашего шалмана изъявил желание переночевать в Старой Иве. Не знаю, что его задержало, но ехать дальше на ночь глядя дорогой гость не пожелал. Ночевать в сарае на сене мужик тоже не захотел. Может, потому, что там ночевал я, а может, у него аллергия на сено с детства была. Тут-то Тимо и присоветовал ему обратиться к Лорите. Дескать, у нее дома места хватает. С тех пор как муж помер. Да и вообще она таким гостям рада. Тоже с тех самых пор. За постой, правда, возьмет сколько-то… кто его знает сколько – как сговоритесь.

Мужик все понял правильно. Поблагодарил за ужин, вытер морду тряпочкой, пригладил волосы, подкрутил усы и пошел договариваться. На следующий день, когда забирал со двора коня и расплачивался за сожранный этой скотиной овес, очень благодарил за дельный совет. А я, пользуясь случаем, выяснил у Тимо, что Лорита подрабатывает таким постоем уже лет несколько. Не то чтобы регулярно, но бывает. Останавливаются у нее обычно люди, по местным меркам, не бедные и разборчивые – те, что сеновалом брезгуют. Встречаются такие нечасто – этот вот первый на моей памяти был.

Попутно узнал одну интересную вещь. Оказалось, что с венерическими заболеваниями тут полный порядок. В смысле, нет их. Совсем. Потому что на мой осторожный вопрос – не боится ли веселая вдова подхватить от очередного постояльца какую-нибудь спирохету, Тимо только плечами пожал и высказался в том смысле, что окромя вшей за ночь вряд ли чего подхватишь, чай, морового поветрия уже сколько лет не бывало. А вши, что ж… и вывести можно. Да и задрипанца какого вшивого Лорита к себе еще и не пустит – делов-

то. И все. Других проблем от такого сожительства умудренный опытом кабатчик не видел. Счастливые люди – что тут еще скажешь?

Стоит ли говорить, что после получения столь ценной информации я уже на следующий день вплотную взялся за решение проблемы спермотоксикоза в отдельно взятом организме? Вот тут-то меня и подстерегла очередная лажа.

Будучи человеком воспитанным, я посчитал неприличным подкатывать к женщине с пустыми руками. В то же время ограниченность финансовых средств не позволяла решить вопрос в лоб. Потому пришлось действовать традиционно: нарвал на опушке каких-то цветов и пошел «знакомиться». При этом я как-то не подумал, что традиции-то тут немного другие…

В общем, подвалил под вечер к вдовушке с букетом, отчего у нее чуть челюсть не отпала. Я вещал какую-то стандартную лабуду, а она стояла, открыв рот, и молча хлопала глазищами, которые при виде цветов почему-то стали на пол-лица. Секунд через тридцать, когда даже до меня дошло, что что-то тут не так, Лорита с каким-то непередаваемым полувзвизгом бросилась мне на шею, шепча между поцелуями что-то вроде: «Я согласна!»

Мне бы еще тогда насторожиться, но где вы видели мужика, который сможет критически мыслить, когда дама «на все согласная»? К тому же меня явно избаловало повышенное внимание Ильки… Словом, соображал я тогда плохо и если о чем и думал, то явно не тем местом. Помню только, как Лорка меня до дверей дотащила, а в дом уже я ее внес. Дальше помню смутно, но судя по тому разгрому, что я созерцал утром, порезвились мы неплохо. От внезапно вспыхнувшей страсти пострадали большой сундук в сенях, обеденный стол и собственно кровать. Еще вешалка была сорвана, и на полу валялась пара черепков, но это уже мелочи.

Кстати, я безбожно проспал начало рабочего дня, чего за мной уже давненько не водилось, так что Лориту утром не застал – видать, умотала куда-то по делам. Ничуть не расстроившись этим фактом, кое-как застелил кровать (вбитая с детства привычка), поставил на место стол, выкинул остатки разбитой макитры, придвинул к стене сундук и отправился на работу – Тимо еще накануне просил поправить крышу сарая. Ремонт вешалки решил отложить до вечера, поскольку так и не смог найти молоток.

День пролетел как один миг, и на закате я уже вновь стоял на пороге заветного домика с букетом в руках. Лорита явно ждала – открыла, едва успел пару раз в дверь стукнуть, при виде цветов прямо засияла. Втащила в дом, напоила какой-то наливкой, напичкала свежей выпечкой и планомерно довела дело до постели – чудо, а не женщина. Расплата наступила утром.

Проснулся я на этот раз не один. Веселая вдовушка лежала рядом и игриво щекотала мне нос прядью своих волос. Заметив, что я открыл глаза, эта змея, многообещающе улыбаясь, огорошила меня вопросом:

– Милый, я все хотела спросить: когда ты свадьбу играть собираешься? А то осень уже скоро – самое время для гуляний, а мы еще и день не назначили…

Она еще что-то говорила, но весь дальнейший текст я уже не воспринимал. Сказать, что в тот момент я был в шоке, – это ничего не сказать. Да меня переселение в другой мир меньше ошеломило, если уж на то пошло. В голове билась одна-единственная мысль: «За что, мать вашу, за что?!!! Где я так нагрешил-то, что меня и в параллельной вселенной в покое никак не оставят?»

– Какая свадьба?

Этот осторожный вопрос мгновенно заткнул фонтан красноречия потенциальной невесты. На лице Лоры застыло выражение неподдельного удивления, а в устремленном на меня взгляде огромных глаз плескалась поистине детская обида. В жизни б не подумал, что столь

короткая фраза может вызвать такую бурю чувств. Впрочем, это была еще только прелюдия, настоящая буря разразилась потом…

Примерно через час, который был заполнен криками, плачем, битьем посуды, битьем меня, снова криками и далее по кругу, я таки смог выяснить первопричину всех бед. Оказывается, местное общество, погрязшее в суевериях и предрассудках, придает большое значение всевозможным обрядам и обычаям. В частности, мужчина дарит цветы женщине только в одном случае – если намеревается назвать ее своей невестой. То есть всякие платки, бусы и мягкие игрушки – сколько угодно – обычный, ни к чему не обязывающий знак внимания. А вот цветы – это уже серьезно. Я же, как тот мужик из анекдота, который по пьяни перепутал квартиры и отдал любовнице всю зарплату, а к жене завалился с шампанским и цветами. Обе бабы остались довольны, что характерно.

Лора тоже была довольна моей цветочной эскападой, на что у нее имелись весьма веские причины. Во-первых, жизнь одинокой женщины на селе в Средневековье – не сахар, и Лорита это знала, как никто другой. Во-вторых, шансы обрести семейное счастье с кем-либо, помимо меня, у нее были просто исчезающе малы. На вдовах тут вообще женятся неохотно. Даже не знаю почему, скорее всего, опять суеверия какие-то, но точно не поручусь. То есть шансы выскочить замуж повторно имели только богатые и красивые. Ну и молодые, естественно. Лора не попадала ни в одну из этих категорий, поскольку было ей уже 27 (что для местных примерно эквивалентно «бальзаковскому возрасту»), приданое у нее было так себе, да и монументальностью форм она не страдала. Словом, привлечь потенциальных женихов вдовушке было решительно нечем.

На ней и в первый-то раз женился какой-то местный забулдыга-доходяга, поскольку больше никто на тощую девицу с грустными глазами не позарился. Прожил он с нею лет несколько, но детей так и не завел, а потом и сам по пьяному делу замерз как-то под забором. Вернее, вначале простудился, а потом уже околел, но не суть. Главное же заключалось в том, что теперь на Лорку и вовсе смотрели как на чумную – детей родить не смогла, мужа со свету сжила… Не баба – катастрофа. Словом, жизнь шла по накатанной прямо под откос. И тут появился я. С цветами.

Все это мне поведали в промежутках между рыданиями и попытками прибить меня подушкой. И что тут поделаешь? Жалко ее, конечно, чисто по-человечески. Тем более что баба она симпатичная. Местные могут сколько угодно считать Лорку костлявой, но я-то точно знал, что пощупать на ней было чего! Собственно, по земным меркам, комплекция, как и рост, кстати, у нее были вполне себе средними, а фигура так даже выше среднего. Про возраст и вовсе молчу. Односельчане же были уверены, что баба, не уступающая в росте самым высоким мужикам, да к тому же имеющая ясно различимую талию, просто не имеет права на семейную жизнь. Я такой подход не одобрял, но желания кинуться грудью на амбразуру тоже не испытывал.

Пришлось объяснять, что «я не то имел в виду», на что ушло еще около получаса. Если б не амнезия, то хрен бы что у меня вышло, а так… Словом, отпустили меня с миром. Живого и относительно невредимого. Лорита напоследок даже улыбнулась пару раз на мои рассуждения о том, что женщины, которых нельзя обнять одной рукой, – не есть идеал красоты. Улыбнулась и сказала:

– Если соскучишься, приходи. Только с цветами больше не шути.

Я в тот момент так расчувствовался, что чуть было не остался, но разум все же возобладал. Поцеловал на прощание и ушел. Правда, в тот же вечер вернулся. С молотком. Починил вешалку да так и остался ночевать. С тех пор и тянется наш сельский роман. Илька на меня дуется и, когда встречаемся, демонстративно отворачивается. Герт добродушно подтрунивает. Тимо на мои странности просто рукой махнул. Кумушки местные поначалу шибко этой темой заинтересовались, но потом тоже поостыли – так, перемывают косточки время от вре-

мени, да и то за глаза. Еще Ропит одно время воду мутил. Ропит – это тот самый сутулый, с которым я на дороге познакомился, кум Тимо. На редкость желчный и склочный тип. И жена у него под стать – та еще су… нехорошая женщина, в общем. Меня-то этот козел цеплять опасался, а вот на Лорку взъелся отчего-то. То ли жена настропалила, то ли просто из природной вредности. Кончилось это тем, что я ему два зуба выбил и нос сломал. Ну, не сложились у нас отношения, чего уж. Как сразу не заладились, так и… Зато от Лориты сразу отстали. Сама Лорка, кстати, запустила слух, что в грызло Ропит получил за то, что пытался к ней клеиться, чем добавила пострадавшему семейных проблем, а себе немного баллов в местной неофициальной табели о рангах.

Вот так вот тихо, мирно, потихоньку обживаясь на новом месте, я и дотянул до весны.

Глава V

Весна помимо тепла принесла также серьезные перемены в мою устоявшуюся за последнее время жизнь. Вестником грядущих изменений стал помощник шерифа, заявившийся в Старую Иву в сопровождении пары солдат. Шериф здесь – это такое должностное лицо, назначаемое местным сеньором и обладающее существенными полномочиями. И вот это вот самое лицо торжественно объявило, что власть в лице светлейшего герцога Этельгейра решила слегка разнообразить нашу пресную жизнь небольшой войной. Вот так вот – ни больше ни меньше.

Вообще надо сказать, что с централизацией власти в нашем отдельно взятом герцогстве было все в порядке. Из объяснений Герта следовало, что бароны должны были ежегодно сдавать в центральную казну собранные налоги, а в канцелярию – отчеты о финансовой деятельности за истекший период. Равным образом в столицу герцогства отсылались копии всех решений баронских судов, причем суд высшей инстанции имел безусловное право на пересмотр или отмену решения, вынесенного бароном или его представителем. Неисполнение вассальных повинностей перед герцогской короной было чревато денежными штрафами и прочими весьма неприятными санкциями, а злостного нарушителя могли и вовсе отдать под суд с перспективой лишения баронского достоинства. В общем, местные сеньорчики вовсе не являлись самовластными хозяевами в своих вотчинах и, чтобы лишний раз не попадать в поле зрения бдительного ока большого брата, вынуждены были довольно-таки добросовестно приглядывать за вверенной территорией.

Интересно, что на более высоком уровне это правило не работало. Герцоги, требуя безусловного подчинения от своих вассалов, в то же время вполне успешно забивали болт на собственные обязанности перед императором. За счет чего оказался возможен такой парадокс, я пока еще не разобрался, так что просто принял сложившуюся ситуацию как данность. В свете вышесказанного меня в тот момент гораздо больше интересовало: с кем же собрался воевать наш светлейший, если в самом герцогстве без его монаршей воли и так никто даже чихнуть не смеет? У шерифского зама имелся ответ и на этот вопрос – в зачитанном нам рескрипте значилось, что набор войска производится с целью разрешения спора с вольным имперским городом Ирбрендом. Именно разрешения спора, а не захвата или там восстановления суверенитета, то есть за нашим будущим противником как бы признавалось право на ведение такой вот ограниченной войны. Не знаю, как Тимо и прочие односельчане, а я этот нюанс отметил сразу. Хотел обсудить с Гертом, но тут посланец выложил свой главный козырь – объявил о сборе ополчения.

Здесь надо бы пояснить, что местное законодательство давало сеньору право ежегодно призывать под знамена определенное число свободных граждан. Использовалась эта возможность не так уж часто, но в этот раз герцог, видимо, счел момент подходящим. Все тот же помощник шерифа, закончив зачитывать указ, объявил, что жеребьевка состоится в трактире за три часа до заката, после чего разрешил всем разойтись, что мы и исполнили. Тимо в растрепанных чувствах отправился утешать своих, а я наконец-то получил возможность переговорить с единственным человеком, который мог дать дельный совет в сложившейся ситуации.

Герт выслушал новости спокойно. После чего, ехидно ухмыляясь, озадачил меня вопросом:

– Хочешь поучаствовать?

Пришлось задуматься, потому что до сих пор я как-то не примерял возникшую проблему к себе лично. Известие о войне было воспринято как новость по телевизору о новой волне интифады где-то в секторе Газа – интересно, но как бы напрямую не затрагивает. А

зря, потому что затрагивает и именно напрямую. Чтобы выиграть немного времени на размышления, пришлось прибегнуть к испытанной тактике – ответить вопросом на вопрос:

– С чего ты взял?

Сержант снисходительно хмыкнул:

– Ну не вечно же ты тут торчать будешь. Рано или поздно все равно уйдешь, так почему бы не сейчас?

А действительно? Чего ждать? Хотя…

– Это ты мне скажи, что не так с этой войной?

– С этой? Да все с ней в порядке – война как война. Ничего особенного.

– Тогда почему объявлен сбор ополчения? Неужели для разборки с вольным городом недостаточно регуляров?

– Соображаешь. Хватит, конечно. Если не вмешается кто-то еще…

– Например?

– То, что Ирбренд – имперский город, ни на какие размышления не наводит?

– Император может вмешаться?

– Еще как! Вряд ли войсками, но денег на наемников подкинет запросто. А может, и еще кто из соседей влезет. Всегда найдутся желающие поживиться на чужой войне.

– Всегда?

– Ну, не всегда, конечно, но частенько.

– И это как раз тот случай…

– Кто знает? Я ж не герцог и даже не его канцлер. Но наш великий император, дай Эйбрен[1] ему здоровья, давно уже мечтает переломать все кости своим светлейшим кузенам. Не думаю, что он упустит такой случай. Ты знаешь, что Ирбренд еще пять лет назад был вовсе не вольным городом?

Я отрицательно покачал головой, и Герт продолжил:

– Там сидел герцогский бургграф, который регулярно перечислял налоги и прочие торговые пошлины в казну герцогства. А потом горожане как-то добились статуса вольного города. ИМПЕРСКОГО вольного города. И теперь все сборы с тамошних мануфактур, биржи, рынков и прочего направляются прямиком в столицу – в карман императору. А наш светлейший Этельгейр кусает свои светлейшие локти, даже не снимая камзола. Теперь понял?

Понял, конечно. Чего ж тут непонятного? Не зря мне эта война с самого начала не понравилась.

– Так что, думаешь, не стоит туда лезть?

– Думаю, нет. Это не та война, на которой можно легко заработать или высоко взлететь. Если все пройдет гладко – все сливки снимут герцог со своими коронными частями, если же нет – ополченцы получат самыми первыми и на полную катушку.

– И как мне теперь избежать такой чести?

– Тебе-то? А тебе ничего избегать не надо. Призыву в ополчение подлежат только землевладельцы и держатели доходных предприятий, платящие налоги в казну и внесенные в соответствующий реестр. Голодранцев вроде тебя это не касается.

– То есть я в жеребьевке не участвую?

– Не-а. А вот после войны можешь попытаться завербоваться в какой-нибудь регулярный полк. Туда всех берут – такого бугая, как ты, с руками оторвут.

– Ладно, а посмотреть-то я могу?

– На жеребьевку? Конечно, можешь. Я и сам схожу, гляну – какое-никакое развлечение.

Знал бы я тогда, чем это развлечение закончится…

---

[1] Богиня молодости, здоровья и долголетия в имперском пантеоне.

Сам процесс жеребьевки был обставлен достаточно торжественно. Помощник шерифа при свидетелях отсчитал тридцать один (по количеству налогоплательщиков) металлический жетон наподобие монетки или пуговицы, только побольше, после чего два из них пометил крестиком. Затем все жетоны ссыпали в холщовый мешочек, и потенциальные защитники отчизны принялись по очереди тянуть жребий.

Я мысленно прикинул масштаб мобилизации и тихо выпал в осадок. Каждый пятнадцатый – это слишком круто. Для средневековых войн, во всяком случае. Однако Герт частично рассеял мои подозрения. Оказалось, что он успел перекинуться парой слов с вояками, охранявшими нашего дорогого военкома, и выяснил интересную вещь: мобилизация, если верить солдатской молве, производилась далеко не во всех баронствах и городах герцогства. Все интересней и интересней… Развить эту тему мне помешал истошный женский вопль.

Орала жена Тимо. И даже не орала, а голосила на высокой ноте, не выдавая при этом никакой внятной информации. Впрочем, что тут выдавать? Достаточно глянуть на растерянную морду кабатчика, уставившегося на предмет в своей ладони, и все становится на свои места. Не везет моему работодателю в лотерею.

Помощник шерифа сочувственно похлопал свежеиспеченного ополченца по плечу, негромко сказал что-то ободряющее и приглашающе махнул рукой толпящимся вокруг мужикам – следующий, мол. И пока односельчане один за другим подходили к злосчастному мешку с бирками и поочередно запускали туда свои грабки, я решил переговорить с жертвой мобилизации. Все ж таки, как ни крути, Тимо был первым, кого я повстречал в этом мире. Он немало помогал мне на первых порах, да и вообще оказался неплохим человеком. Свиньей бы я был последней, если бы не попытался его поддержать хоть чем-нибудь в эту трудную для него минуту. Ведь ясно же, что ему этот поход как серпом по… в общем, не радуют мирного пивовара открывшиеся перспективы.

Разговор у нас, правда, пошел немного не так, как я ожидал. Стоило мне приблизиться, как Тимо, не обращая внимания на причитания супруги, бухнулся передо мной на колени и, сложив руки, взмолился:

– Не губи! Я к тебе как к родному относился, ни разу не попрекнул, ни в чем не отказывал. Дочь старшую за тебя отдать готов был. Смилуйся, помоги!

Я так и встал. Сказать, что такое поведение кабатчика озадачило, – это ничего не сказать. А главное, знакомая такая картина… определенно где-то я уже это видел… Дежавю, блин. Только в тот раз я стоял с дубиной над кучей трупов, и такое поведение Тимо было, в общем, понятно. А теперь-то ему чего надо? Все сомнения развеяла следующая фраза заслуженного кельнера Старой Ивы:

– Вызовись вместо меня – век благодарен буду! Всеми богами клянусь: отплачу! Чего ни пожелаешь, все выполню.

О как! Если я правильно понял, Тимо хочет меня на свое место в ополчении сосватать. Кажется, на моей родной планетке существовала такая практика замещения в славные времена рекрутской повинности. Выходит, и здесь так же? Подошедший между тем Герт молча кивнул на невысказанный вопрос. Все интересней и интересней…

– Благодарен, говоришь? И насколько благодарен?

Тимо буквально подскочил с колен, словно пружиной подброшенный, и тут же, даже не задумавшись, выпалил:

– Десять талеров! Прямо сейчас выплачу, только помоги!

Я задумчиво хмыкнул. Реакция кабатчика была мгновенна:

– Двенадцать!

Ну и что тут скажешь? Обвел глазами толпу притихших селян, выжидающе уставившуюся на меня женушку работодателя, оценивающе прищурившегося помощника шерифа… Давно мне тут такого пристального внимания не уделяли.

– Что скажешь, Герт?

Отставной сержант пожал плечами:

– Цена неплохая. Даже очень.

Неплохая цена за плохую войну… Хотя что это будет за война – вилами по воде писано. У герцога наверняка есть свои резоны, у меня же только общие рассуждения старого вояки и никакой конкретики. С другой стороны, я ведь все равно собирался отсюда уходить…

– Ладно, толстяк, спасу тебя еще раз. Что там нужно сделать?

Чувство облегчения, волной прокатившееся по собравшейся толпе и окатившее Тимо с головой, ощущалось почти физически. Достойный пивовар словно сбросил разом десяток лет – распрямилась согнутая спина, расправились поникшие плечи, взгляд приобрел несвойственную ему ранее твердость. Не пейзанин – орел! Но ответил на мой вопрос не он, голос подал помощник шерифа:

– Ему – ничего, а тебе – расписаться в реестровой книге и получить свой жетон. Сумеешь? Ну и отлично. Тебя как зовут-то, заместитель?

Я немного помедлил, прикидывая все «за» и «против», и лишь затем произнес:

– Зови меня Морд.

Глава VI

Над своим новым именем я думал уже давно. С тем, что Серегой мне уже не быть, я смирился почти сразу – нет тут таких имен. В империи, по крайней мере. Но и вечно скрываться под кличкой «уважаемый» тоже не получится. Здесь, в Старой Иве, еще куда ни шло, но в большом мире надо что-то более определенное. Поскольку паспортов тут еще не изобрели, в выборе меня никто не ограничивал. Так что по здравом размышлении я решил подобрать что-нибудь максимально похожее на Нарда – привык за столько времени на него откликаться. Вот так вот и родилась идея с Мордом.

Слабым местом этой схемы было то, что имя оказалось не совсем подходящим. Не то чтобы каким-то очень редким или там устаревшим, нет. Имя было вполне себе в ходу, но считалось, как бы это сказать, аристократичным, что ли? В общем, среди крестьян оно как-то не встречалось. Не принято было. А вот у одного из мелких дворян, что завернул как-то раз к Тимо пропустить кружечку пива, оно смотрелось вполне органично, не вызывая никаких дополнительных вопросов.

Строго говоря, дворянчика звали Морольд, или, еще точнее, «господин Морольд» – так к нему обращался слуга. Морд – сокращенная версия имени, которую я придумал сам. Вроде как и к Нарду ближе, и момент с социальным происхождением как-то обходится. В теории. Как такой креатив будет воспринят на практике, оставалось загадкой. Оно бы, конечно, посоветоваться с кем-нибудь знающим не мешало бы, но все как-то не до того было, вот и дооткладывался. А когда про имя спросили, консультироваться уже некогда было, ну я и выложил свою старую заготовку.

К моему несказанному облегчению, шерифский помощник отреагировал на необычное имя совершенно спокойно. Кивнул как ни в чем не бывало да и вернулся к прерванной жеребьевке. А я поперся в кабак – решать текущие организационные вопросы.

Внутри меня уже ждали. Пританцовывающий от нетерпения Тимо, его дочери, настороженно выглядывающие с кухни, и жена, громыхающая посудой за барной стойкой. Следом за мной практически след в след в главный зал таверны проникли Герт с Ропитом – теперь можно и о делах поговорить. Кабатчик, видимо, только этого и ждал – едва я перешагнул порог, как Тимо сорвался с места и стрелой вылетел из комнаты, чтобы уже через минуту вернуться с пригоршней серебряных монет в руках.

– Вот. Можешь проверить.

Я лениво разровнял по столу небольшую горку монет, выбрал наугад один из серебряных кругляшей, задумчиво покрутил его в пальцах, после чего отошел к окну и принялся придирчиво изучать. Довольно крупная и аккуратная монета, слегка потертая. На аверсе выбит профиль какого-то мужика в короне, реверс украшен изображением единицы в окружении красивых финтифлюшек. Медь вроде бы нигде не просвечивает, так что будем считать монетку настоящей, хотя возможность использования сплава остается – металловед из меня по-прежнему аховый.

Подбросив и тут же поймав свой трофей на лету, я с улыбкой повернулся к собравшейся у стола компании:

– С оплатой разобрались. Что дальше?

Тимо облегченно выдохнул. А пока он переводил дух, заговорил Герт:

– Теперь тебе нужно расписаться в книге у помощника шерифа, он тебе покажет где. Завтра выступишь с ним в сборный лагерь. Там тебя запишут в какую-нибудь сотню и выдадут оружие из герцогского арсенала. Дальше будешь служить до окончания кампании и роспуска ополчения. Права и обязанности у тебя будут ровно такие же, как и у всех прочих ополченцев.

– А кроме оружия, мне там ничего не выдадут?

– Кормить еще будут. Должны, во всяком случае.

– А обмундирование?

– Не. Это только коронным полкам полагается.

– Тогда у меня проблема.

Герт хмыкнул:

– Да уж, обновки тебе не помешают.

В этом месте Тимо, до сих пор молча переводивший взгляд с одного собеседника на другого, внезапно оживился:

– Я все устрою.

Теперь уже мы с Гертом дружно уставились на него.

– Можешь взять мою новую куртку, тебе немного коротковата будет, но в плечах должна подойти. Ты ж зимой мою старую таскал? Ну вот. Штаны у тебя свои еще крепкие, а обувь… Помнишь, Нурф заказывал себе новые башмаки?

Я только отрицательно покачал головой. Если и заказывал, то явно без меня. Но Тимо это не смутило.

– В общем, позавчера я их привез, да так и не отдал пока. Все что-то отвлекало, да и Нурф как-то не захаживал. Ну вот, а нога у него здоровая, даром что сам поперек себя шире. Тебе, думаю, подойдет. Вот и забирай его обувку, а с Нурфом я все улажу.

Хм, очень своевременное предложение. Куртка – черт с ней, сейчас тепло уже, хотя ночью да на привале – не помешает. А вот обувь… Обувка – первейшее дело в любом походе. Я-то сюда попал в старых сандалиях. Летом было вполне нормально, а вот зимой спасался самодельными опорками, изготовленными с помощью советов местных умельцев. Если недалеко и недолго, то жить можно, но вот отправляться в этих стремных обмотках на войну не хотелось категорически, так что оставалось только согласиться с Тимо.

Толстяк мигом метнулся в кладовку и вернулся оттуда уже с объемным свертком. Куртка и тяжелые кожаные башмаки были тут же примерены и одобрены, а небольшой дорожный мешок передали на кухню с наказом заполнить едой из расчета на три дня. После этого сборы можно было считать законченными, и настала пора прощаться.

– Ну что, толстяк, не поминай лихом, как говорится. И нового вышибалу нанимать тоже не спеши. Может, свидимся еще.

Тимо аж подпрыгнул:

– Да ты что?! Трех лун не пройдет, как вернешься! А за место свое не переживай – оно всегда за тобой, когда б ни пришел. Я тебя теперь всю жизнь в молитвах поминать буду и детям накажу, чтоб помнили, кто их родителя от смерти спас.

Блин, надо же, эк его проняло, даже неудобно как-то. Но раз предлагают…

– Я и так не пропаду. Ты лучше за Лоритой присмотри – одна она теперь остается, мало ли…

Я еще не успел договорить, а кабатчик уже часто кивал, заранее соглашаясь с каждым моим словом:

– Не беспокойся, как за родной сестрой приглядывать буду!

Ну-ну, было б сказано.

– Ладно, бывай тогда. Пойду я, а то темнеет уже, а дел немало осталось.

С этими словами я похлопал Тимо по плечу и, подхватив котомку, отправился к выходу, провожаемый взглядами домочадцев, так долго бывших моими самыми близкими людьми в этом новом для меня мире. На щеке высунувшейся из кухни Ильки проникший в окно луч заходящего солнца высветил предательскую слезинку. Или, может быть, просто показалось?

На крыльце меня поджидал замшерифа. Подсунул мне книгу типа амбарной, всунул в руку некое подобие стилоса и показал, где надо расписаться. После того как я накорябал

какую-то закорючку, бравый служитель закона подул на страницу, чтоб чернила быстрее высохли, захлопнул свой талмуд и, довольный как слон, отправился в трактир – отмечать удачную вербовку и договариваться на ночлег. Я же оказался предоставлен самому себе. Выступление назначили на утро, так что у меня впереди была еще целая ночь свободной жизни.

Герт, вышедший вслед за мной и подпиравший стенку трактира, пока я расписывался в реестре, неспешно спустился с крылечка и как ни в чем не бывало произнес:

– Пошли, отметим твой первый найм. Заодно прикинем, чего тебе еще не хватает.

Я молча пожал плечами. Почему бы и нет?

Едва добравшись до дома, Герт, буркнув нечто неразборчивое, что я трактовал как приглашение присесть, сразу же полез в свой старый сундук. Погромыхав там некоторое время, извлек из недр хранилища небольшой сверток, аккуратно развернул тряпицу, удовлетворенно хмыкнул и наконец-то соизволил повернуться ко мне:

– Лови.

Я подхватил на лету аккуратно подброшенный предмет и лишь теперь разглядел, что же это было. А разглядев, чуть не присвистнул от восхищения.

У меня на ладони лежал довольно длинный кинжал. Простые черные ножны и рукоять без каких бы то ни было украшений, но, на мой скромный взгляд, весьма качественные. Обоюдоострый клинок из очень хорошей стали – никаких тебе зазубрин, каверн или следов коррозии. Гладкая однородная поверхность, добротная заточка. Никаких излишеств вроде сияющей полировки или бритвенной остроты лезвия, все продуманно и функционально. Оружие явно предназначалось для боя, а не на роль статусной цацки. И делалось оно, насколько могу судить, вовсе не для какого-то там сержанта. Не знаю, кому принадлежало скромное клеймо в виде трех переплетенных колец, но готов держать пари, что таким клинком не побрезговал бы и капитан коронного полка или барончик средней руки. И цена у этой смертоносной игрушки должна быть соответствующая…

Герт, словно прочитав мои мысли, прервал затянувшееся молчание:

– Нравится? Бери!

Я бросил на отставного сержанта подозрительный взгляд исподлобья. Слишком хорошо, чтобы быть правдой. Герт, правильно истолковав мое молчание, фыркнул и тут же пояснил:

– Мне он бесплатно достался, незадолго до того, как меня из армии поперли, – так и не довелось воспользоваться. Может, тебе повезет больше.

Не веря в свое счастье, я переводил взгляд с полуобнаженного кинжала в моих руках на старого вояку, тяжело опиравшегося на крышку своего сундука, и обратно. Клинок завораживал своим смертоносным совершенством. Все-таки в оружии есть какая-то особая магия, что б там ни говорили пацифисты всех мастей. Иначе как объяснить то, что я отколол в следующий момент? Хотя, может, это и общая обстановка так на меня повлияла – не знаю, но, обнажив клинок, я неожиданно для самого себя приложился к лезвию. Губы на миг кольнул бесстрастный холод металла, а через секунду, подняв глаза, я натолкнулся на самодовольную ухмылку Герта.

– Себя не обманешь, северянин.

Видимо, выражение недоумения на моей роже выглядело достаточно красноречиво, так как сержант тут же пояснил свою мысль:

– Поцелуй Джерид. Есть такая древняя традиция.

– Что еще за Джерид?

– Богиня войны у северян.

– Никогда не слыхал, чтобы ее кто-то упоминал.

– Еще бы! Почитание чужих богов в империи не приветствуется.

– Погоди, ты же только что сказал, что ее весьма почитают на севере? Я всегда считал, что герцогство Танарис – самое северное в империи.

– Верно. То есть нет. Смотри.

С этими словами Герт захлопнул свой сундук и проворно захромал к выходу. Во дворе старый сержант отломил от растущего рядом с крыльцом куста довольно длинную хворостину и с ее помощью начертил на земле какую-то бесформенную кляксу, после чего продолжил свою лекцию:

– Вот это наша империя.

Кончик прутика уперся в центр начертанной фигуры.

– Вот здесь находится наше герцогство.

Импровизированная указка отчеркнула верхнюю часть имперской кляксы.

– Дальше к северу лежат вольные королевства.

Хворостина проводит извилистую линию за пределами «империи».

– А за ними – дикие земли. Вот там и живут северяне.

Палочка воткнулась в пыль за волнистой чертой, тем самым ставя точку в этом импровизированном уроке географии. Я задумчиво почесал затылок, обдумывая новую информацию. Роящиеся в голове вопросы ломились наружу плотной толпой, никак не желая выстраиваться в очередь. В конце концов я решил не париться и начать с самого простого:

– И кто они, эти северяне?

Герт равнодушно пожал плечами.

– Варвары. Живут как дикари, подчиняются своим вождям, молятся своим богам.

– И почему ты принял меня за дикаря?

– Ты похож на них. Рослый, светловолосый, светлоглазый. Но главное – поцелуй клинка.

– А что в этом такого?

– Это их священный обычай. Когда молодого парня посвящают в воины, ему вручают оружие, а он целует лезвие и тем самым клянется в верности богине войны. За это Джерид еще называют невестой воинов.

– Красивый обычай.

– Да. И для северян он священен. Любой пацан с пеленок мечтает о том, что когда-нибудь получит в свои руки меч и в круге войны, перед вождем и старейшинами, даст Джерид нерушимую клятву верности, разорвать которую сможет лишь смерть. Путь воина – лучшая судьба для человека. Гибель в бою – почетна. Такова их суть.

– И ты думаешь…

– А что тут думать? Я ж сказал: себя не обманешь. Можно забыть свое имя, язык, семью, но это – это не в голове. Это у тебя в крови.

В словах сержанта звучала просто непоколебимая уверенность, так что я вновь замолчал, обдумывая услышанное, а Герт, по-своему истолковав возникшую паузу, счел нужным прояснить свое отношение к происходящему:

– Если ты думаешь, как тебе жить дальше, то забудь. Кем бы ни была твоя мамаша, ты – имперец. Простой ополченец, которых много. А что ростом повыше да посветлее, так мало ли чего в жизни бывает. У меня вот друг был из Виннерда, это королевство к северу от нас. И ничего – служил получше многих.

– Это от него ты про северян столько узнал?

– Угу. В королевствах про варваров знают не понаслышке.

– То есть то, что во мне кровь севера, – это ничего?

– Просто любопытная деталь. Знал бы ты, какие ублюдки попадаются в коронных полках! А уж у наемников… В ополчении народ попроще, конечно, но ты ведь заместитель, так

что никого особо не удивишь. Всего лишь еще одна занятная байка, которую можно рассказать у костра на биваке.

Я еще раз поглядел на кинжал в моей руке, на усмехающегося сержанта, сделавшего мне поистине царский подарок.

– Спасибо, Герт. За кинжал и вообще. Ты был хорошим инструктором. Так что спасибо.

Улыбка сержанта стала шире:

– Пустое. Тебя было интересно тренировать, я словно вспомнил молодость. Так что мы в расчете. Но дальше тебе придется справляться самому. Удачи, Морд-северянин.

Глава VII

Небосвод перечеркнул след очередного метеора, а я все продолжал пялиться в бархатную черноту ночи. Небо здесь совсем не похоже на наше. Глубже, темнее, контрастнее. Днем оно не бледно-голубое, а почти синее. Ночью же… Две светлые полосы, напоминающие наш Млечный Путь, пересекают весь небосклон, образуя косой крест. Мириады звезд горят холодным огнем, завораживая своим мерцанием, затягивая в бездонные глубины космоса. И в довершение всего три луны, догоняя друг друга, ведут бесконечный хоровод вокруг планеты, ставшей моим новым домом. Одна большая и белая, внешне похожая на нашу, только чуть крупнее, светлее и вместо пятен украшена несколькими серыми полосами. Две другие совсем маленькие, красноватые, но шустрые – движутся по своим орбитам гораздо быстрее старшей сестры, обгоняя ее по два-три раза за ночь. Все вместе это образует просто потрясающее впечатление. У нас такого не увидишь. Даже за городом, где свет фонарей и неоновой рекламы не затмевает робкое сияние звезд.

В первые месяцы моего пребывания в Илаале я часами пропадал на улице, развалившись в каком-нибудь стогу за околицей или просто на лавочке, прислонившись к стенке сарая, вдыхая ароматы луговых трав и слушая пение цикад. Любоваться этим сумасшедшим небом можно было бесконечно, так что такая вот своеобразная медитация надолго стала моим единственным развлечением в новом и непривычном мире. Бесстрастная красота звезд лечила душу и успокаивала нервы, помогала забыть о прошлом, пережить потерю семьи и даже в какой-то мере компенсировала недостаток общения. Как знать, может быть, именно это небо помогло мне тогда не двинуться умом от свалившихся проблем и переживаний?

С тех пор утекло немало воды. Я худо-бедно вписался в этот мир, обзавелся друзьями и обязанностями, наладил отношения с аборигенами и даже стал строить кое-какие планы на будущее, но привычка обдумывать трудные решения наедине с природой – осталась. Вот и сейчас полная луна сверкает над вершинами деревьев, заливая землю серебристым сиянием. Один из малых спутников проплывает низко над горизонтом, поблескивая недобрым багровым светом. Легкий ночной ветерок тихо шуршит в склонившихся к реке ветвях древней ивы, давшей название деревеньке. Сама речушка мирно журчит между опорами скрипучего деревянного мостика. Ночь уже давно вступила в свои права, смахнув с неба последние лоскуты яркого покрывала заката, а я по-прежнему стою на берегу под деревом, любуясь яркими росчерками метеоров на фоне звездного неба, и в который раз мысленно прокручиваю предстоящий разговор, подсознательно пытаясь оттянуть его начало.

Умом я отлично понимаю, что мой сельский роман благополучно подошел к своему логическому завершению. Что я ничего не обещал и потому вроде как ничего и не должен, но… это чертово «но», как всегда, портило все дело. Дурацкий рудимент под названием «совесть» упорно пытался внушить мне чувство вины, и доводы разума были тут абсолютно бессильны. За последние полгода Лорита как-то незаметно умудрилась занять важное место в моей жизни, и если с перспективой расставания я смирился заранее, то конкретные нюансы этого процесса оставляли немалую свободу для маневра. Проще говоря, мне хотелось бы расстаться по-хорошему, и в этом крылась немалая проблема, потому что, насколько я успел узнать Лориту, отпускать кого бы то ни было просто так было не в ее характере. Жизнь приучила вдовушку хвататься за малейший шанс, коих на ее долю выпало так мало, и я как раз был тем самым шансом, причем, вполне возможно, последним… И что тут поделаешь?

Я с досадой отбросил плоскую гальку, которую до сих пор бездумно крутил в руках. Камешек вместо того, чтобы, негромко булькнув, кануть на дно речушки, бодро прошлепал по поверхности воды и после тройного рикошета с легким шуршанием скрылся в траве на

противоположном берегу. Этот неожиданный маневр навел меня на любопытную мысль. Зачем пытаться решить проблему в лоб, если ее можно изящно обойти?

Тут же вспомнился одногруппник Димон – любитель острых ощущений и по совместительству отчаянный бабник. Временами, после третьего литра пива, на него нападала охота пофилософствовать, и тогда зачастую рождались интересные перлы, один из которых сейчас пришелся очень кстати. Воздев к потолку свой указующий перст, Димон вещал: «Запомните, салаги, никогда, ни-ког-да не пытайтесь переспорить бабу с помощью аргументов! Женщины живут эмоциями, и любые логические построения будут отринуты, перекручены или просто проигнорированы, если не будут соответствовать текущему эмоциональному состоянию. Хотите чего-то добиться? Доставьте ей радость! После этого никаких заумных обоснований уже не понадобится».

По лицу сама собой расползлась довольная ухмылка. Отряхнув руки, я решительно направился к знакомому дому. Не хочешь отпускать? Тогда держи крепче!

Несмотря на позднее время, свет в окне все еще горел, что полностью соответствовало моему плану. Без стука отворив дверь и проникнув в комнату, я получил прекрасную возможность понаблюдать, какова длина шага, отделяющего любовь от ненависти.

Вот Лорита сидит за столом, бездумно глядя в окно, и всем своим видом источает грусть от расставания и вселенскую скорбь покинутой женщины. Затем на стол перед ней падает моя тень, и в следующую секунду передо мной, гордо выпрямив спину и гневно сверкая глазами, стоит разъяренная фурия, уже занося руку для удара. К счастью, я был настороже, да и уроки Герта, как и два года занятий рукопашным боем, не прошли даром, так что этот взрыв эмоций не застал меня врасплох. Лоркина ладонь, вместо того чтобы залепить мне смачную пощечину, лишь бессильно хлопнула по спине, а рот, уже готовый проклинать весь род мужской до хрен знает какого колена, был предусмотрительно закрыт поцелуем. Секунд десять она еще пыталась сопротивляться, мыча и отпихивая меня левой рукой, но затем все-таки сдалась. Продержав ее в объятиях еще с четверть минуты для гарантии, я все же оторвался от ее губ и прошептал на ухо:

– Не надо слов! Ночь коротка, а сделанного не воротишь. Хочешь, чтобы я остался? Тогда обнимай крепче!

И тут же, не давая ответить, подхватил на руки, решительно двинувшись к кровати. Лорка тихо взвизгнула, когда я практически вытряхнул ее из платья, но брыкаться больше не пыталась. Швырнув безрукавку на стол, я с размаху шмякнулся на жалобно скрипнувшую кровать, кожей ощущая жар женского тела у себя под боком. Светло-серые глаза многообещающе блеснули в паре дюймов от моего лица за миг до того, как Лорита, змеей вывернувшись из объятий, лихо оседлала меня с каким-то победным возгласом.

Последней приличной мыслью, родившейся в ту ночь внутри моей черепушки, стала банальная: «А все-таки Димон был прав!»

Когда я выбрался из дому, на дворе еще только начало светать. Луна по-прежнему царила на небосклоне, ночь слабо спорила с наступающим утром. Вдохнув полной грудью, я в последний раз обернулся, бросив прощальный взгляд на разметавшуюся по постели Лорку, и, тихо притворив дверь, решительно зашагал к таверне.

Помощник шерифа отыскался в хорошо знакомом мне сарае за кабаком. Должностное лицо мирно дрыхло на сеновале, стойко перенося тяготы войны в компании пары солдат, четырех рекрутов и случайного посетителя, задержавшегося в Старой Иве на ночь. Недолго думая, я влился в стройные ряды защитников герцогства, разместившись ближе к выходу с таким расчетом, чтобы меня непременно разбудили, когда поутру начнут выбираться на свет божий.

Расчет полностью оправдался. С первыми лучами солнца меня растолкали, затем последовал легкий завтрак всухомятку, и к тому времени, как дневное светило полностью

вылезло из-за линии горизонта, я уже пылил по дороге вместе с еще несколькими ополченцами под присмотром парочки баронских солдат. До конца дня мы провели жеребьевку в одной деревеньке и паре хуторов, пополнив свой маленький отряд тремя новыми бедолагами. Причем никто из будущих храбрых солдат герцогства Танарис даже не пытался изображать служебное рвение и энтузиазм по поводу участия в судьбоносных событиях, рожи всех ополченцев без исключения выражали крайнюю степень уныния, являя собой яркий образчик упаднических настроений в среде мелких землевладельцев.

К вечеру эти кислые хари так допекли нашего временного начальника, что он, плюнув в сердцах, отменил запланированную остановку на ферме и велел располагаться на ночлег прямо в поле, по-видимому, желая таким вот своеобразным образом поучить новобранцев уму-разуму. Что ж, если он добивался именно этого, то следует признать, что получилось у него так себе. Погода стояла отличная, и ночевка на свежем воздухе смотрелась предпочтительней, чем в каком-нибудь пыльном сарае с выводком шуршащих по углам мышей. Видимо, это понимал не только я. Пейзане, не выказав никаких признаков расстройства, не сговариваясь, принялись устраиваться на ночлег чуть ли не на самой обочине.

То ли вчерашние крестьяне уже успели проникнуться армейским духом и не собирались даже пальцем шевелить без приказа, то ли еще по какой причине, озаботиться обустройством стоянки никто почему-то не пожелал. Шериф со своими солдатами расположился отдельно, время от времени бросая на нашу компанию косые взгляды. При этом брезгливость и желание досадить сиволапым были написаны на его роже большими печатными буквами. Понаблюдав с полминуты за творящимся непотребством, я решил, что лучшего случая заявить о себе может и не представиться, после чего решительно взялся за дело.

– Эй ты, как там тебя? Пройдись по опушке и набери дров. Ты – расчисти место для костра. Да не здесь! Вон, видишь полянку за кустами? Остальные берут вещи и тащат туда же – нечего возле дороги отсвечивать.

Отправленный на лесоповал мужичок немедленно возмутился:

– А ты кто такой?!

Блин, как мило. Мир другой, а фразочки все те же. Прям как в родной район попал (не самый благополучный, между прочим). Ну ни черта в этой жизни не меняется. А раз так, то и нечего изобретать паровоз. Взгляд исподлобья, рожу – кирпичом:

– Я – Морд-северянин.

Мужик посмотрел на меня снизу вверх и понял, что погорячился. Глазки сразу забегали, ища безопасный путь к отступлению.

– А почему это я за дровами?

– Потому что я так сказал!

Убийственный аргумент, перебить который можно только совсем уж неубиваемым «да пошел ты!». Но в последнем случае надо быть готовым подкрепить свое требование мерами физического воздействия. Если же нет…

Оппоненту крыть было нечем, так что дядька предпочел без лишнего шума ретироваться, бормоча что-то себе под нос. Вслед за ним бочком-бочком, словно крабы на пляже, расползлись и остальные. Ворча и ежеминутно косясь в мою сторону, доблестные ополченцы приступили к выполнению полученных заданий, а я, распределив наряды и обустроившись на самолично выбранном месте, собрался было приступить к приему пищи, как вдруг меня вежливо прервали. Ну как вежливо? Могло быть и хуже.

– Эй, северянин!

Я обернулся, и шериф, развалившийся у весело потрескивавшего костерка, махнул рукой, приглашая присоединиться. Пришлось подыматься и плестись на прием к начальству. Баронские солдатики потеснились, освобождая место возле огня, а командир, едва я уселся, протянул приятно булькнувшую флягу:

– Угощайся.

– Благодарю, мастер…

– Озрик. Можешь звать меня так.

Я только молча кивнул, принимая к сведению, и наконец-то приложился к фляге. Хм, что-то вроде сидра – ничего так. Следующая фраза шерифа едва не заставила меня поперхнуться. Умеет же момент выбрать, полицай чертов!

– Зачем ты здесь, северянин?

Тон, которым это было произнесено, мне не понравился. Совсем. Так говорят с подозреваемым. А от подозреваемого до обвиняемого дорога короткая. Особенно на войне. Особенно здесь.

Я медленно опустил флягу:

– Ты же видел все сам.

Озрик невозмутимо кивнул:

– Видел. Потому и спрашиваю.

– Зачем тебе это? Ты ведь не пойдешь с нами на войну, твое дело привести ополченцев в лагерь и сдать начальству под роспись. Я записался по всем правилам, ты сам это заверил, так что тебе во мне?

– Просто интересно. Ты учился у Герта?

Получив подтверждающий кивок, Озрик продолжил:

– Я знаю его. Он служил с моим отцом. Когда вышел в отставку, я помогал ему устроиться, подсказал, где лучше осесть. Старый рубака не стал бы возиться с простым крестьянином – чем-то ты его заинтересовал. Чем?

– Не дал проткнуть себя копьем при первой встрече.

Шериф хмыкнул:

– Похоже на него. Что ж, Герт разглядел в тебе вояку. Честно говоря, это было не сложно – достаточно глянуть хотя бы мельком на тебя и потом посмотреть на этих вот баранов.

Озрик сделал небрежный жест в сторону второго костра, вокруг которого возились мои коллеги по ополчению, и тут же продолжил:

– Ты среди них как волк посреди отары. Так зачем ты влез в это стадо? Только не говори, что был должен трактирщику – должника не умоляют, стоя на коленях.

Я чуть не взмок. Рассказывать сомнительную историю своего появления в этом мире не входило в мои планы. Давить на жалость, вновь пуская в ход амнезию? Тоже не выход – пора уже избавляться от амплуа дурачка, не помнящего, откуда он взялся. Рассказать про дюжину талеров, десять из которых остались стоять аккуратным столбиком у Лориты на столе? Так, завербовавшись в коронный полк, я мог бы срубить и побольше. Сказать, что просто поддался внезапному порыву? Мол, все равно уходить, так чего тянуть? Не поверит. И я даже знаю почему.

Пройти через ополчение – самый простой и надежный способ легализации. Раз вписан в реестр – значит, подданный герцога. Тут без вариантов. В отличие от регулярных полков, кстати. Которые, по сути, те же самые наемники, только платит им не капитан вольного отряда, а герцог из своей казны. Платит соответственно меньше, зато стабильней. Но дело не в этом.

Солдат здесь – это бродяга без роду без племени. Только что с оружием. Последнее обстоятельство значит, конечно, немало, но… проблема в том, что общество тут все-таки сословное. И потому безродный солдат так навсегда и останется солдатом. Пока не сгинет, получив свой кусок железа в брюхо или еще от какой неприятности, коими весьма богата неверная доля наемника. Максимум, что светит такому служаке, – роль отставного сержанта, наподобие Герта. Если же хочешь чего-то большего – предъяви родословную. Хоть какую-

то. Запись в ополчение практически равносильна зачислению в бюргерское сословие. Не дворянин, но… уже и не бродяга. Для начала – неплохо.

Все это я передумал уже после того, как поставил подпись в шерифском гроссбухе, лишний раз убедившись в том, что принятое по наитию решение зачастую самое верное. Вот только Озрик вряд ли поверит, что я решил обзавестись местной «пропиской» спонтанно, – он-то эту ситуацию куда как быстрее меня просчитал. В принципе мне до его веры дела нет – пусть думает что хочет, серьезных оснований для моего отчисления все равно нет. Заместительство мое честь по чести оформлено. Но впереди война, а на ней всякое случается. Не понравится мой ответ шерифскому помощнику, шепнет он пару слов командиру сотни, в которую меня запишут, и… Может, конечно, и зря я себя накручиваю, но береженого и Эйбрен бережет. Раз уж должностное лицо аж до личной беседы с подозрительным заместителем снизошло, то не стоит его разочаровывать. Но и правду говорить не стоит. По крайней мере, всю.

– Я хочу подняться. В ополчении будет легче выдвинуться.

Ну, вроде не соврал. Должно прокатить. И происхождение свое сомнительное стороной обошел – нечего этой скользкой темы касаться. Озрик несколько долгих секунд буравил меня взглядом, затем удовлетворенно кивнул.

– А ты не такой уж дурак.

– Просто не хочу через двадцать лет оказаться один в старом домике на отшибе с крюком вместо руки.

Озрик хмыкнул:

– Точно не дурак. Обычно молодые лоботрясы вроде тебя, наслушавшись армейских баек, хотят стать лихими рубаками, как тот же Герт. Что делать, когда доживут до его лет, и многим ли это удается, задумывается не каждый. Ты вот – задумался.

Мы помолчали. Чтобы заполнить паузу, я даже приложился к фляге, которую все еще держал в руке, – после такого разговора оно в любом случае не помешает. Озрик, услышав бульканье, вынырнул из задумчивости и требовательно протянул руку – пришлось возвращать сосуд законному владельцу. Отхлебнув в свою очередь, помощник шерифа плавно закруглил нашу странную беседу:

– Отдыхай. Завтра прибудем в Линдгорн, там и посмотрим, что из твоей затеи выйдет.

Я молча поднялся и поплелся к своему костру. Последняя фраза Озрика заставляла задуматься. Похоже, в моей жизни начинается новый этап. Может быть, еще не поздно смыться? Небо сегодня в тучах, ночь должна быть темной…

Глава VIII

Утро застало меня марширующим по серой ленте проселочной дороги. Небо по-прежнему было затянуто тучами, а я все еще оставался в компании шерифского помощника и кучки мобилизованных крестьян. По здравому размышлению, занявшему изрядную часть ночи, план побега так и не был утвержден, и вовсе не потому, что таил в себе некоторый элемент риска.

У Озрика всего два солдата и с десяток обалдуев, которых надо доставить на сборный пункт вовремя. Теоретически он может пустить своих подручных по следу беглеца, а сам в гордом одиночестве отправится в лагерь во главе колонны рекрутов. Но тут такое дело: солдаты эти – баронские, и если дезертир кого-то из них зарежет (а такой вариант не исключен), то отвечать Озрику придется перед своим непосредственным начальством – перед шерифом и самим бароном. И спросят они строго – ибо безобразие. А вот за сбежавшего рекрута ему отвечать только перед герцогским представителем (кто там за проведение мобилизации отвечает), которому на отдельно взятого бегунка, в общем-то, плевать – ну объявят выговор нерасторопному вербовщику (в крайнем случае, штраф могут назначить), а дезертира в розыск объявят. Тот же Озрик его по лесам и будет искать, но уже не с парой солдат, а посерьезней. Обычное дело. Рутина.

Но есть еще один момент. Это ведь ополчение, и дезертир здесь не сам по себе – он из реестра. Значит, у него есть собственность, которую можно конфисковать. Это в общем случае. В данном же случае имеем нанятого заместителя, за которого отвечает тот, кто его нанял, – Тимо. Берем Тимо за шкирку и отправляем служить вместо не оправдавшего высокое доверие дезертира. Ну и штраф само собой – за беспокойство. Так что особых причин за мной бегать прямо сейчас у Озрика считай, что и нет.

С другой стороны, и мне от него бегать вроде как не с руки. Вряд ли Озрик принял меня за шпиона императора, который решил внедриться в святая святых герцогства Танарис – народное ополчение. Скорее шерифский помощник просто проявил повышенное служебное рвение, попытавшись выяснить обо мне несколько больше, чем требовали его прямые служебные обязанности. Бывает. В целом же вербовщик производил впечатление неплохого человека, так что оброненную им фразу про «посмотрим» я после некоторых колебаний все же решил считать не завуалированной угрозой, а чем-то более-менее безобидным. И не прогадал.

Моя вера в человечество и отдельных его представителей была с лихвой вознаграждена уже на следующий день, когда меня и прочих приведенных Озриком ополченцев принялись распределять по сотням. Вообще-то этим должны были заняться сразу по прибытии в лагерь, но в Линдгорн мы притопали уже в сумерках, и никто не стал будить высокое начальство ради кучки пропыленных рекрутов. Нам просто показали место для ночевки и велели не покидать территорию лагеря вплоть до поступления дальнейших распоряжений. А вот утром нас разыскал какой-то военный чиновник, пересчитал, сверился с записями в шерифском гроссбухе, внес всех в какой-то список и торжественно объявил, что с этого момента мы являемся бойцами четвертой сотни муниципального ополчения герцогства Танарис. После чего мы, по-прежнему в сопровождении Озрика и его подручных, протопали в расположение помянутой сотни, чтобы предстать пред светлы очи ее командира.

Сотником оказался кряжистый дядька лет сорока с изрядным брюшком и уныло повисшими усами. Выбравшись из палатки, мужик окатил нас ленивым взглядом, скривил губы в пренебрежительной гримасе и выдал ритуальную фразу:

– Поздравляю, засранцы, теперь вы – солдаты!

После чего, приподняв полог палатки, гаркнул:

– Раск!

На зов начальства из недр матерчатого жилища появился еще один персонаж – примерно одних с сотником лет, но куда более жилистый и подвижный. Как только Раск выбрался на свет божий и принял стойку, отдаленно напоминающую строевую, сотник продолжил свой монолог:

– Распределишь этих (небрежный жест в нашу сторону) по десяткам, где там у нас некомплект, выдашь оружие, поставишь на довольствие. Как закончишь, возвращайся.

Выдав эти ценные указания, наш новый командир собрался было вернуться в палатку, но его технично перехватил Озрик. Помощник шерифа, до сих пор безучастно взиравший на разворачивающееся действо, внезапно очнулся и, деликатно придержав сотника за руку, негромко пробубнил пару коротких фраз. Начальство заинтересовалось, бросив в нашу сторону новый, на сей раз куда более пристальный взгляд.

– Раск, постой!

Остановленный этим окриком заместитель недоуменно обернулся, а Озрик, развивая достигнутый успех, вновь забубнил что-то сотнику на ухо. Тот, недоверчиво косясь в нашу сторону, о чем-то переспросил, получив ответ, решительно ткнул пальцем в мою сторону:

– Ты, длинный, подойди!

Раздвинув плечом толпившихся вокруг сослуживцев, я сделал пару шагов и замер, вытянувшись по стойке «смирно» все еще на приличном удалении от входа в палатку, где располагалась тесная группа начальников. Сотник придирчиво обозрел мою фигуру, удовлетворенно хмыкнул, но все же уточнил:

– С оружием обращаться умеешь?

– Да, господин сотник!

– Где научился?

– У сержанта пикинеров полка его светлости Этельгейра!

Полные губы сотника скривила скептическая усмешка.

– Ишь ты, у целого сержанта. А сам научить кого-то сможешь? Вот хотя бы и тех олухов, что с тобой пришли.

– Так точно, господин сотник, смогу!

Сотник вновь хмыкнул, на сей раз вполне довольно:

– Вот и научишь. Раск, запиши его командиром в шестой десяток. Тебя как звать-то, кстати?

– Морд-северянин!

– Вот так и запишешь.

Вынеся окончательный вердикт и распределив обязанности, высокое начальство почло свою задачу выполненной и гордо удалилось, скрывшись от взоров простых смертных под непроницаемым пологом командирской палатки, а мы, подгоняемые суетливым Раском, отправились приобщаться к таинствам действительной службы.

Первым делом нас отвели в оружейку (она же склад вещевого довольствия), где большинство ополченцев стали счастливыми обладателями довольно-таки длинных и массивных пик, а я и коренастый крепыш с пегой бородой обзавелись комплектами из коротких мечей и внушительных прямоугольных щитов, живо напомнивших мне римские скутумы времен расцвета империи. Также всем без исключения выдали потасканные сине-белые накидки – символ принадлежности к вооруженным силам герцогства Танарис. Эти линялые тряпки велено было надеть поверх одежды и носить постоянно.

Затем Раск добросовестно развел всех по местам службы, передав свежеиспеченных воинов десятникам с рук на руки, меня он оставил напоследок. Подойдя к довольно ветхой палатке (впрочем, жилища остальных десятков выглядели не лучше), наш «ротный старшина», как я для себя определил положение Раска в сотне, скомандовал построение и пред-

ставил десяти потасканного вида мужикам их нового командира. Дядьки, переминаясь с ноги на ногу, вразнобой промямлили чего-то в ответ, Раск сплюнул и быстро завершил официальную передачу полномочий:

– Командуй, десятник.

После чего, не оборачиваясь, решительно зашагал в сторону командирской палатки. А я начал командовать.

Времени на то, чтобы припомнить все поучительные истории Герта, а также свой собственный опыт пребывания на казарменном положении, у меня было предостаточно, так что откладывать дело в долгий ящик не имело смысла.

– Как стоите, бараны?! Почему не отвечаете по уставу?! Кто старший?!!

Этот рев заставил обернуться даже практически скрывшегося за поворотом Раска, а стоящие прямо передо мной ополченцы и вовсе растерялись, что, собственно, и требовалось. Опыт бесчисленных войн, воплощенный во всевозможных писаных и неписаных правилах и методиках обучения новобранцев, однозначно свидетельствует: первым делом свежеприбывшим рекрутам следует привить понятие армейской дисциплины – заставить забыть собственное «я» и научить беспрекословно выполнять полученные приказы. Способы для этого имеются самые разные, включая и прямое физическое воздействие, которое уже давненько не поощряется в моем родном мире, но вполне себе практикуется здесь, в Илаале, в чем очень скоро предстояло убедиться тем бедолагам, что стояли сейчас передо мной, непонимающе тараща глуповатые глаза.

– Ты!

Выбрав жертву, я бесцеремонно ткнул пальцем в грудь самому толстому из ополченцев.

– Почему без пояса?

– Дык эта…

Удар вышел просто замечательным – вполсилы, чтобы не отправить в нокаут, но быстрый и хлесткий – кровь из расквашенного носа так и брызнула, а обладатель поврежденного шнобеля как стоял, так и грохнулся на задницу.

– Как с десятником разговариваешь, скотина?!

Не дожидаясь ответа, я тут же развернулся к соседу пострадавшего, красовавшемуся в дырявой да к тому ж еще и съехавшей набок накидке.

– Почему в рванине? Двухлетняя свинья в бабском сарафане больше похожа на ополченца, чем ты!

– Так выдали, господин десятник.

– А руки тебе на что? Зашить! Даю полчаса на приведение формы и оружия в порядок. Кто не успеет – пожалеет, что на свет народился. Выполнять!

Мужиков словно ветром сдуло, только полог палатки закачался. Пострадавший толстяк, похоже, и вовсе скрылся с глаз, не вставая с пятой точки, – мистика прям. Зато когда спустя установленное время я вновь скомандовал построение, бойцов было просто не узнать. Выправки им, конечно, все еще не хватало, зато служебное рвение перло из всех щелей. Решив, что грех растрачивать энтузиазм подчиненных впустую, я, наскоро проверив состояние амуниции и вооружения, повел свою грабь-команду на плац – утоптанную площадку неподалеку от лагеря.

Часовые на входе так впечатлились зрелищем десятка обалдуев, старательно топающих в тщетной попытке изобразить строевой шаг, что даже не попытались спросить пароль, которого я, кстати, не знал. В результате их халатности следующие пару часов мой десяток провел, отрабатывая движение походной колонной и построение простейшего боевого порядка, известного в здешних краях под названием «частокол». Получалось так себе, что, в общем-то, и неудивительно.

В теории ополченцы должны были проходить обучение под руководством своих командиров ежегодно в течение двенадцати дней. Как правило, время учебных сборов назначалось на осень – после уборки урожая и окончания сезона ярмарок. Но это в теории. На практике же на эти самые сборы призывали ровно так же, как и в само ополчение, – не всех, не всегда и только по жребию. Причем прошедший такие сборы на следующие три года освобождался от участия в подобных мероприятиях. При этом наличие или отсутствие базовой военной подготовки никак не влияло на возможность призыва в военное время – никакого деления на резерв первой (обученные) и второй (не обученные) очереди тут не существовало в принципе. Таким образом, получалось, что на сборах могли побывать одни, а в ополчении в итоге оказаться другие – ни разу не проходившие обучения. Собственно, шестеро из десяти моих подчиненных были именно такими, ни разу не нюхавшими портянок салагами.

Но если кто-то думает, что прошедшие через учебные сборы «ветераны» имели перед новобранцами хоть какие-то преимущества, то вынужден разочаровать. Уж не знаю, специально или нет, но никто в нашем герцогстве даже не пытался превратить ополчение в реальную военную силу. А потому собиравшихся по осени ополченцев занимали чем угодно, но только не боевой подготовкой. Из четырех солдат моего десятка, в разные годы прошедших через такое «обучение», один занимался починкой моста, другой – расчисткой и углублением городского рва и еще пара – ремонтом дорог. То есть фактически эти самые сборы являлись своего рода трудовой повинностью, а сами ополченцы – дармовой рабсилой, используемой на различных трудоемких и низкоквалифицированных работах. И вот этот вот средневековый стройбат, вернее, его часть, пылил передо мной по плацу, подгоняемый энергичными командами и не менее энергичными пинками.

Шум и суета во все времена привлекали повышенное внимание праздношатающихся, так что к концу нашей импровизированной тренировки вокруг плаца собралась нехилая толпа. Посмотреть на бесплатное представление сбежалась чуть ли не половина обитателей Линдгорнского лагеря, включая несколько начальственных рож, среди которых я приметил и усатую харю командира славной четвертой сотни. Бестолковые маневры и неуклюжие движения моих пиконосцев дарили благодарной публике массу положительных эмоций, вызывая шквал шутливых советов и замечаний. Но настоящим гвоздем программы стало мое финальное выступление.

Желая проверить боевую устойчивость своего десятка, я, предварительно заменив пики и мечи на учебные, тщательно выстроил уже порядком измотанных ополченцев, после чего атаковал этот живой частокол. Сказать по правде, бросаться с деревянным мечом наголо на пару щитоносцев, из-за спин которых торчало восемь здоровенных жердей, было, мягко говоря, страшновато. Но вчерашним крестьянам и мелким лавочникам пришлось еще хуже. Как только я, грохнув по щиту своей деревяшкой и издав нечленораздельный, но достаточно грозный рев, ринулся в атаку, «вражеский» строй начал стремительно ломаться. Ряд пик заходил ходуном, при этом некоторые «острия» повело в сторону, а остальные оказались задраны вверх, причем так, что напороться на них было бы проблематично даже всаднику. Что же касается меченосцев, составлявших первый ряд этой горе-баталии, то парни просто и незатейливо спрятались за своими щитами, опасаясь даже взглянуть на прущего к ним супостата. Расплата за малодушие наступила очень быстро.

Поднырнув под одну из пик и отбросив щитом вторую, я со всего маху впечатал подошву своего новенького башмака прямо в центр щита левого меченосца, постаравшись вложить в этот удар всю инерцию набравшего разгон тела. Мощный пинок практически снес моего незадачливого противника. Причем, падая, он умудрился завалить двоих копейщиков, составлявших вторую линию баталии, и открыл абсолютно беззащитный бок второго мечника, который тут же получил весьма болезненный удар по ребрам и, выронив щит, с воем

рухнул на землю. Оставшиеся шесть пикинеров, составлявших три последние линии баталии, просто разбежались, побросав свои дреколья и оставив меня хозяином поля боя.

Столь впечатляющий подвиг не остался незамеченным. При виде бегства десятикратно превосходящих сил «противника» зрители буквально взорвались торжествующими воплями. А на входе в лагерь нашу компанию уже поджидал вездесущий Раск.

– Неплохо для начала, северянин. Пойдем, господин сотник хочет с тобой поговорить.

Ну что ж, раз хочет… Пожав плечами, я отправил своих подчиненных отдыхать и приводить себя в порядок перед вечерней проверкой, а сам потопал к командирской палатке, гадая, во что выльется устроенный мной «сеанс экзорцизма».

Сотник не стал тянуть кота за яйца, с ходу перейдя к делу:

– Хорошая работа, десятник. Теперь вижу, что тебя учил сержант коронного полка.

Я скривился:

– Чего ж тут хорошего? Я разогнал целый десяток ополченцев. Один. С деревянным мечом. Что же будет, если нас атакует настоящий враг? Рота наемников или отряд дворянской конницы разгонят всю эту толпу, – я небрежно повел головой, намекая на собранные в лагере ополченческие сотни, – даже не вынимая клинки из ножен.

– Так и есть, северянин, так и есть. Потому никто и не ждет от этого мужичья подобных подвигов. Удел ополченцев – охранять обоз и копать землю во время осадных работ. Но все же традиция велит устраивать смотр даже таким войскам. И если во время смотра моя сотня будет выглядеть хотя бы отдаленно похожей на роту коронных пикинеров, наш герцог, храни его Эйбрен, непременно это отметит. Ты понимаешь меня, северянин?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.